

Алевтина Алфёрова

ЧАРОВНИЦЫ -

ЛЕБЁДУШКИ

Художник А. Кручин

*Ослушницам и
смиреницам,
Затворницам и
затейницам,
Чаровницам-
лебёдушкам*

Почернел листок!
Упала на землю —
Сквозь прожгла!

Зашептались травы:
«Неутешно-велико, звать, горюшко.
Чем бы девице помочь?»
«Муравейку б позвать», —
Колокольчик молвил.
«Верно», — согласились травы.
И послали гонца.
Муравей пришел,
Горе выслушал.
«Ладно, — говорит, —
Сяду на ушко, помогу!»
Обрадовалась Паланя:
Мала букаха,
А все ж не одной
Бедовать в чужеземье.
Снова в путь пустились:
Паланя с батюшкой на коне,
Муравей у Паланюшки на ушке.

Еще многожды луна за море бегала,
Пока прибыли они в Царство
Брюхово.

ПАЛАНЯ

В некотором царстве,
Некотором государстве
Жил-был Царь.
Царство было у него небогатое:
Березка, осина да дочка-сиротина —
Без мамыньки родимой выросла.
Дочка Паланя кашу варила,
А батюшка-Царь воевать ходил.
Воевать-то воевал,
Да побед домой не нашивал.
И дочка — не в радость:
Все кашу да кашу!

«Долго ль ты мне
Парить ее будешь?—
Осерчал Царь единожды. —
В других домах щи варят,
Овощ жарят.
Чтобы к завтраму был
Суп с требушатиной,
Дырчаты оладьи цельнопеканны,
Сладки яблоки в кислом рассоле.
И чтоб все с пылу-жару,
свежохонькое!

А не то — прогоню!

Годы подойдут,
Женихи сватать начнут,
А кому неумехи надобны?
Нынче жених пошел с разбором:
Сам и палку узлом не завяжет,
А жену норовит взять рукодельную,
Чтоб и пряла, и пахала,
И хлеб выпекала.
Вишь, какой привередливый!»

Плачет Царева сиротка:
Где что взять — не знает,
Во что класть — не ведает.
Кто научит,

Коли мамыньки родимой нет?
А Царь и не слушает,

Думу громко думает:
«Где бы детке занять ума-разума?»

Летела мимо ворона,
Услыхала, прокаркала:
За леском, мол, за пригорочком
Царство Брюха ненасытного.
Знает Брюх Слово волшебное,
Словом блюдо мигом варится.

А уж вкус — оближешься!
Только плата за слово немалая:
Отслужить надо Брюху
Три года и три месяца.

Жалко стало Царю сиротинушку:
Добрая птаха, ласковая,
Да крылушки еще не выросли.
Поднимут ли тяжесть науковую?
Как ни жаль Паланю батюшке,
А делать нечего:
Сам стращал,
Прогнать обещал,
Надо ехать в Царство Брюхово.
Сели они на коня, поскакали.

День скачут,
Ночь скачут.
Уж луна тридцать раз
Родилась да состарилась,
А Царства Брюхова не видеть.

Притомились. С коня сошли.
Паланя в траву шелкову
Лицом белым пала,
Закручинилась:
Эку даль ускакали от родины!
Бежит слеза жгучая по щекам.
Упала на зеленый листок —

Наварит, напарит,
В один чан свалит.
Про запас!

Не понять Брюху тайну Паланину.
Озлобился!
Слово пора сказывать,
А не хочется.
И задумал, окаянный,
Хитрость хитрую:
Сиротинушкой прикинулся.
На скалу сядет,
Ручку к лобику приложит,
Грустно на море глядит.

Паланя увидала,
Про печаль спросила.
«От сынка Губастика нет вестей.
Без отца, без матери живет,
Проведать бы, да ногами слаб.
Не проводишь ли, милая?»
«Провожу, — согласилась Паланя, —
А далече ль идти?»
«Да недалече.
У моря, за мысочком, ступенечки —
Донесут до самого Губастика».

У моря, за мыском, и впрямь
ступенечки,

На горе крутой,
За каменной стеной
Костры горят,
Ножи-ложки стучат,
Воздух духмяный слюну гонит.
Открыл ворота Брюх,
Повел гостей переулочком,
Чтобы тайны не вызнали.

Понял Царь опаску Брюхову,
Разуверил:
Не за тем пришли!
Челом Брюху бьет —
На ученье дочку взять.
«Ладно, неучу поучу, — согласился
Брюх, —
Коль послушна будет.
Не то осерчаю!»
Сам ручки потирает,
Прибытки считает:
Денег-то Палане
Не будет платить —
Только кормить самую малость.
Даром, почитай, трудодейка
досталась.

Поутру Царь-батюшка восвояси
отбыл,
А Брюх науку начал.

«По первости, — говорит, —
Блюдо вымой,
Солнцу донышко покажи!»
Вымыла Паланя посудину,
Донышко на солнышке прожарила —
Светлым зеркалом блюдо заиграло.

Одобрил Брюх: «Справилась.
Первую науку осилила.
Как вторая, дастся ли?»
И велел в семь бездонных бадей
Воды натаскать.
Носит Паланя воду.
Коромысло плечи ломит.
А бадьи все не полнятся...
До заката солнышка пробегала...

А у Брюха уж третье заданье:
Чтоб к утру сшила-вышила себе
Передничек и косыночку узорчатые.
«Не успею, — закручинилась
Паланя, —
Не успею!»
А букаха малая шепчет:
«Не бойся, я с тобой!»

Только засмеркалось,
Муравейка в лес:
«Звери-мухи, помогите,

Пропасть девице не дайте!»
Звери-мухи его выслушали,
По лесам разбежались,
Несут: кто листок, кто цветок,
Кто красну ягоду.
Паланя их друг к дружке
прикладывает,
Паутинкой тонкой связывает,
Как узор вышивает.
Глянул утром Брюх — ахнул!
Чудо расписное у девицы выткалось!

* * *

С того дня пошла наука главная.
По первости супы варили,
Да такие духовитые!
На втором году за каши принялись,
Каши пышные, рассыпчатые.
В третий год к пирогам приступили.
Дивно Брюху, дивно!
Сверх науки у Палани получается!

А Паланя с Муравейкой в лес убегут,
Трав душистых нарвут —
И в блюдо.
А про секрет — молчок!
Брюху скажи — весь лес оберет,
Живого не оставит.

А тело мяккое,
Жидким студнем колышется,
В воду просится!
Не устоять!

С досады плюнул Брюх в море.
Аж... чвакнуло море!
Кругами заходило,
Пузырями вскипело!
Вздыбилась, взгорбилась
Волна плескучая!
Обидчика схватила,
Завертела, закрутила,
Размахнулась...
И на берег вышвырнула...
Не погань, брюхастый, воды чистые!
А Паланюшку волна лишь погладила
Да легонечко к
Губастике придвинула.
Страшно стало девице,
Обмерла!
Ручки-ножки опустила,
Глазоньки закрыла...
А Муравейка шепчет:
«Не бойся, я с тобой».

Покачалась волна, успокоилась,
Разбежалась ручейками по-за
Камушкам...

Лежат себе ровною дорожкой.
Позабылся Брюх,
Скакнул на них козленочком.
А Паланя такое увидела,
Запасилась...
Понял Брюх оплошку свою, заохал,
На ножки пал,
Помощи просит.
Кинулась к нему Паланя,
На ступенечки встала,
А они прямо в воду и поехали.
Испугалась Паланя, смерти ждет.
А Муравейка за ушком:
«Не бойся, я с тобой!»

А ступеньки спорые,
Скользят по воде, как по маслицу.
И все глубже, глубже...
Травы шелковы
Пред ними расступаются,
Рыбы-звери морские разбегаются...
Донесла их дорожка до темного дна.
Пригляделась Паланя и увидела:
Лежит в мягкой ямке
Жаба жирная, бесхвостая.
Кожа острым пупырем крытая,
Брюхо в три кадушки свитое,
Чубчик надо лбом торчит,
Нос свиначий в ус сопит.

Фу! Какое страшилище!

А Брюх бахвалится:
Живет сынок жизнью дивною:
Ест, сколько хочется,
Спит, сколько можется.
Чудище морское покой бережет:
По дну ходит,
Головой змеиной над водой водит.
Углядит судно на море —
Хвостом по воде шлепнет,
Бурю-ураган сделает...

Встанут воды дыбарем,
Утлую посудину на берег выкинут...
И опять покой!
А по дну каракатица ползает,
Черной краской светлоту красит:
Чтоб ничто не мешало Губастiku.
Спит сынок, спит родной,
Силы копит!
Скоро править-государить будет!

«Встань, Губастенький, гостью
встрень!»
Приоткрыл тот глазок,
Глянул щелочкой.
И... отвернулся!
Осерчал Брюх, прикрикнул:

«Говорю, встань, невесту привел!»
Как услышала ту речь Паланя,
Пошатнулася,
Белы руки заломила,
На колени перед змеем пала:
Не губи!
А Брюх насмехается:
«Замуж за Губастика не схочешь,
В море сгинешь,
А домой не воротишься».

Вот ведь что ирод задумал:
В море девицу держать,
Лишь бы слово не давать!

Повернулся Брюх к Губастiku,
А тот в ямку забился,
Усами прикрылся —
Тела мерзкого стесняется.
«Ах ты, жирная кадушка ленивая!
Ты доколь будешь спать
Без просыпу?
Скоро из расщелины не выползешь!
Встань!»

Испугался Губастик, поднатужился...
Ноги за камушек зацепил,
Головушкой в небушко уперся,
Встал!

Лист бранит — не шепчи!
Сена клок и тот возникает!
Лишь Сурепка на пригорке сидит,
Не бодается, не кусается,
Ромашку за бока щиплет, судьбу
ворожит.

Муравейка с ушка Паланина
Спрыгнул, просит:
«Сурепка, Сурепка, погадай,
Тайну нам Губастика поведай!»

Сурепка помолчала,
Вкруг себя поплевала,
Лепестки белые по ветру пустила,
Заворожила:
«За темным ельничком,
Под крапивным листом,
Стоит изба высоченная,
Крыльцо широченное,
Столбики на нем точеные,
Перила золоченые.
Ох и темные дела
Творят там Леший да Яга!
Туда идите,
Тайну там ищите».

Обрадовалась Паланя,
Сурепку благодарит,

И стихло море!
Отодвинула свой страх Паланюшка,
Над Губастиком склонилась,
Белой ручкой тело мягкое тронула:
«Чем могу помочь тебе я, молодец?»
Ох как горько Губастик вздохнул:
«Да не молодец я — девица,
И толстому Брюху не родня.
Он меня ...» — да вдруг замолчал
И в пучине морской пропал.

Замерла Паланя и услышала
Топот ста скакунов,
Ржанье ста кобылиц!
Это чудище морское бежит,
Ногами взбрыкивает.
Шея долгая петлями вьется,
Голова колотушкой бьется...

* * *

Бросилась Паланя к ступенечкам:
Скорей, скорей на бережок!
А уж Брюх ее тут и дожидается,
Усмехается...
Муравейка Брюха увидал, закричал:
«В лес беги, там схоронимся!»

Бежит Паланя к лесочку,
А трава пригибается,
В ногах заплетается — не пушу!
Кузнечик налетел — растопчу!
А крапива-душечка жалит, жалит!
Не заметила Паланя Сучок,
Сухую веточку.
Оступилась, ножку повредила,
Заохала...
А Сучок вдруг шепчет:
«Под корягой норка есть,
Схоронись!»

Не почуяла Паланя беду,
В норке затаилась...
А Сучок вход за ней прикрыл,
Девицу схватил,
В темень поволок.
Девица плачет,
А Сучок пыхтит, тащит.
До полянки дотащил,
К осинке прислонил,
За подмогой отправился.

* * *

Огляделась Паланя и увидела:
Сидят на полянке образины.

У зайца — рога,
У волка — борода,
У бабочки — хвост.
А сова, глазастая,
Под деревом сидит,
Зубы точит.
Что сова!
Дуб березку слопал,
Только веточки оставил.
Ох! Какое зверобоище!

И все ворчат:
Дерево не так растет...
Камень не там лежит...
Солнце не туда ходит...
Вот когда они были
Сучками, жучками, кочками,
А болото речкою,
И вода была мокрой,
И песок сыпучим,
И топь зыбучей...
А теперь все не так да не эдак!

Лопух губы распустил, бурчит,
Голосом корявым речке
Выговаривает:
Не журчи!
Пень кудлатый, бородавка
Быстроногая,

Коленками поскрипела,
Больным носом посвистела,
Поустроилась.
Ладонь к губам поднесла,
Дунула...
И сдула на полянку
Старика и старуху.
А сама стала сказывать:
«Жили-были батюшка и матушка.
И была у них дочка Губаня —
Писаная красавица!
Глазки синие,
Щечки красные,
А уж губки... Губаня ведь!»

Опять дунула Яга на ладонь,
Сдула девицу-красавицу.
Щечки и впрямь гладкие,
Губки сладкие,
Синие глаза
И до пояса коса!
Да вот беда —
Уродилась девица ленивой.
Уж как матушка ее корила,
Уж как батюшка ее стыдил!
А девица себя больно ценит —
Знай погуливает!

И решили старики

Дальше спешит.

* * *

А за темным ельничком,
Под крапивным листом,
И впрямь изба высоченная,
Крыльцо широченное,
Столбики точеные,
Перила золоченые.
А Сучок-лесовичок на нем Яге
Доклад делает:
Дескать, девицу до дома не донес —
Больно крупная досталась.
Пусть Яга привезет.

А Яга противится:
Коленки у ней скрипят,
Пятки мозжат —
Видать, к ночи!
Сучок суетится,
На Ягу покрикивает.
Ступу Яга пригнала
Да к опушке затарахтела.

А Сучок задумался:
Кого б нынче сделать?
Мягкого хочется,

Но с коготком...
И хвостик с кисточкой!
А лучше душегубицу:
Чтоб зверьем помыкать
И людей стращать.

Встал Сучок на крылечко,
Кулачком себя по темечку бумкнул,
Злыдым голосом по лесу ухнул,
Лешачьим посвистом свистнул...
И все птицы-звери сбежались.
А Сучок требует:
Со зверины — шерстину,
С птицы — перышко,
С гладких гадов — чешуечку.
Славное выйдет дитяtko!

А Яга назад летит
Вся взволнованная:
Нету девицы на опушке.
Гавка цепь рвет,
Услужить хочет.
Спустила ее Яга.
Да Паланя сама вышла —
Чего уж таиться-то!
Злыдни так и ахнули:
В засаде была,
Секрет вызнала.
Смерть ей!

А Муравейка как с ушка спрыгнет,
Как в бабкин нос вопьется!
Заорала Яга дурным голосом,
А нос на глазах раздувается,
Красно-синим соком наливается.
Воет Яга, молит:
«Отпусти, что хочешь сделаю!»

И Сучок притих.
Стал смирным да примерным:
Мы, мол, не со зла,
Мы, мол, с озорства,
Мы, мол, шутки делаем!
Отпустил Муравейка бабкин нос,
Для примера Сучка
Тюкнул в темечко!
И велел про колдовство сказывать.

* * *

Поломалась Яга для форсу,
А сказывать надобно,
Спрашивает:
«Вам видимо аль невидимо?»
Удивились Паланя с Муравейкой,
Просят: видимо.
На пенек Яга присела,

А лес темный,
Злыми чарами полный:
По дорожке подорожник похаживает,
Тропочку затаптывает.
Бабочка крылышками машет,
В чащу заманивает.
Мухомор, красавчик крапчатый,
Ядом брызжется.
Не сыскать ей ягодку-дубровинку.

Глядь, Иван-да-Марья сидят,
Иван-чаек попивают.
Паланя к ним:
Помогите по лесу пройти,
Ягодку-дубровинку найти.
А Иван-да-Марья и не слушают:
Ничего не видали,
Ничего не знают,
Это их не касается!

Как Паланя осерчала,
Крапивы нарвала,
Иван-да-Марью отстегала:
Лес гибнет, а им и дела нет!

Устыдились негодники,
Дорогу указали.
И деревья расступились,
Девицу пропустили.

В ученье к Брюху ее отдать:
Пусть поучится,
Своим трудом покормится.
Брюх Губаню принял: «пусть!»

Дунула Яга на ладонь —
Костры затрещали,
Вилки-ложки застучали,
Вкусным духом потянуло.
А Губаня к кострам не идет,
Ей труд не нать!
Отписал Брюх родителям
Про Губанину лень.
Закручинились старики,
И свела их печаль в могилу.
Осталась Губаня сиротой.

И замыслил тогда Брюх колдовством
Девицу-умелицу,
Себе работницу, сделать.
Да раздумался:
Ни сына у него, ни дочки.
Кому оставит котлы да бочки?
Кому Слово передаст
В смертный час?

За каши ложку
Да похлебки плошку
Встанет на лапки любая тварь:

Будь то зверь,
Будь то царь!
А того, что у Брюха наварено,
В котлах напарено, —
За тыщу лет не переесть!
Вот бы сыночка в дом привести!
И поскакал Брюх к Сучку да Яге
На одной ноге.

А те ломаются,
Сомневаются —
Безобразин, мол, ладим,
А сыночка не суметь!
Брюх настаивает,
Плату высокую сулит.
И принялись колдуны за дело.
Взяли с птиц по перышку,
С травы по листику,
С каждой звериной твари
Шерстинок по паре.
В котле все смешали,
Колдовские слова прошептали
Да всю муть на Губаню и
выплеснули!..
В голос закричала девица!
Телом покраснела девица!
Студнем оно налилось,
Скрутилось,
Свертелось,

Чешуей оделось
И обличье мужское приняло.

Испугался Брюх образины:
Страшно жабу кому показать,
Не то что сыночком назвать!
И кинул Губаню в море.
Пусть, мол, в море поживет,
Соли горькой попьет.
Может, на что и сгодится
Супротивная девица.

Умаялась Яга рассказывать:
Коленки, вишь, у ней разболелись.
Вот она и просит Паланю:
«Паланя-душечка,
Помоги болеть снять.
Найди ягодку-дубровинку
Со шляпочкой!»
А сама глазам так и зыркает,
Что Паланя скажет?
Знает, что ягодка-дубровинка
С хитринкою —
Не всякому покажется.

* * *

Пожалела Паланя старуху,
Пошла в лес.

А как наплясались все,
Напрыгались,
Вспомнила Паланя про
Муравеюшку...
Сама плясала,
А друга верного забыла!
Глядь — на ушке никого.
Ушел Муравейка,
Слова прощального не сказал.
От смерти ее спасал,
А она забыла про него,
Запомнявала.

Кинулась Паланя Муравейку искать.
И зверь ей помогает — рыщет,
И птица ищет.
Листики сами поднимаются,
Цветки сами раскрываются...
Нет нигде Муравеюшки!
Обидела она друга,
Обидела заступника!

А Ягуня хитро так говорит:
«Не тужи, Муравейка сыщется!
А за сердце доброе
Дам тебе волшебный клубок,
С ним до самого дома дойдешь —
На конце веревочки

И увидела Паланя полянку
И ягодку целебную.
Нарвала пригоршню да назад.

Ягодку отварила,
Ноги Яге отваром помыла,
Передничком обсушила,
Ладонками согрела...
Утихла бабкина боль.
Встала Яга на ноги.
Пяткой топнула одной
Да притопнула другой,
А ноги-то новехонькие!

И запищал вдруг Комар в дудочку,
Тренькнул Паук на паутиночке,
Заскрипел Кузнечик на скрипочке.
И такая стала музыка в лесу петь,
Хоть пляши!

Подбоченилась Яга,
С головы платок сняла,
В руку взяла, по кругу пошла,
Платочком помахивает,
Сучка' в пляс заманивает!
А тот упирается,
Над бабкой потешается!
Тоже, мол, плясунья сушеная!
Да не устоять,

Пустился сам плясать!

А музыка все звончей,
Все веселей.
Звери бегут,
В хоровод встают.
Глядь, а у зайца вдруг отпали рога,
У волка — борода,
У бабочки — хвост.
Перестало колдовство-то
Действовать!

Глянул Леший на Ягу и дивуется:
Не Яга пред ним, а Ягунюшка!
Хоть не больно красавица,
Но молодая, складная!
Носик маленький с курносинкой!
Кожа белая с румянышком,
Точеный бочок...
Высокий каблучок.
Ну все при ней!

И Сучок на глазах меняется:
Ноги стали длинные,
Бедрa узкие,
В плечах сажень!
И кудри по ним разбегаются!
Молодец — всем на загляденье!
Ягуня Лешего увидала,

Сердцем запылала,
К березке прильнула — любит!
Да как не полюбить
Красавца эдакого!

Защебетал лес птицами,
Зазвенел колокольцами!
И животина, и всяка зеленина
Свой облик вернули.
Встали в круг
Дубы могучие, осины стройные,
Березы белые
Всем напоказ — вот мы какие!

Встали в круг
Зайцы быстрые, лисы ловкие,
Волки смелые
Всем напоказ — вот мы какие!
Малина с черникой
Да лесной земляникой
Сладкой ягодой угощают —
Вот мы какие!
Паланюшку подхватили —
И тоже в круг!
Да в пляс!

* * *

Жиры шкворчат —
Блины румянят!
И кофеем пахнет! Вкусно-то как!

Подошел Медведь к воротам,
Постучал,
А Брюх услышал,
Ухом к воротам припал,
Молчит...

Медведь ему и говорит:
«Добром не откроешь —
Разнесу дом по бревнышкам,
А бревнышки — по щепочкам.
Потом не соберешь!»

Открыл ворота Брюх,
Сам за печку спрятался.
Нашел его Медведь:
«Слово волшебное отдашь?»
«Слово отдать
Да ничем стать?
Как бы не так!
Правишь пиром —
Владеешь миром!»
Рассердился Медведь,
Брюха схватил да в чан опустил!

Что тут началось!
Море Землю обнимает,

Счастье найдешь!»
Стали все с Паланюшкой прощаться:
Леший-молодец да Ягуня
Здоровья ей желают.
Гавка — дома теплого,
Хозяйства крепкого.
А лесной народ —
Мужа доброго да деточек,
Что у дерева веточек.

А Паланюшку ничто не радует.
Идет через горы и леса
В родимые края.
Впереди Клубочек бежит,
Дорожку выбирает.
Позади Паланя слезу утирает,
Плачет, приговаривает:
«Милый ты мой Муравеюшка!
Домой иду, а сердце — в лесу.
Не забыла я тебя,
Лишь запаматовала.
Ты один мне друг верный,
И в беде, и в счастье надежный!
Был бы молодцем,
Пусть и неказистым,
Я б другого мужа не хотела,
Сердце доброе на красоту
Не променяла».

Льет Паланя слезы,
Ручеек уж наплакала.
Бежит он мокрой ленточкой.
А тут вдруг Медведь —
Лесной батюшка...
На ручеек наступил,
Язык в него опустил,
Воду попробовал — удивился:
Не море, а солоно!
Видит, девица плачет,
Клубок рядом скачет.
И Паланя Медведя увидела,
Хотела испугаться,
Да раздумала:
Жизнь без Муравеюшки не мила,
Ей ее и не жалко!

Медведь подошел,
Слезы девице лапой вытер:
«Не бойся, — говорит, — не трону.
А рядком посижу, побеседую,
Может, и беду отведу?»
Голову Паланя подняла,
В глаза лесному батюшке глянула,
Ласку в них увидела
И упала на мохнатую грудь...

Дал Медведь горю вылиться,
Спрашивает:

«Что ж это за печаль,
Что смерти страшней?»
Рассказала Паланя про Брюха
коварного,
Про лесных колдунов,
А главное — про Муравеюшку
И черную свою неблагодарность.

Выслушал Медведь и говорит:
«Друга предать —
Большой грех на душу взять!
Но ты ж не предала,
Ты призабыла,
Веселье тебе память
На добрые дела отбило.
Я б простил, и Муравейка простит!
Суши глаза. Вместе за словом
пойдем!»

* * *

Пошли они к Брюховой горе.
Клубок бежит,
Как на пожар, спешит.
Паланя с Медведем еле поспевают.
А на Брюховой горе
Жарка-варка идет:
Супы кипят,

ФЕНИЧКА

Жили-были три братца,
Три молодца.
Собой ладные, пригожие,
Да нравом не схожие:
Петюня — молчун,
Мартынка — драчун,
Но власть держал Егорша —
Кулак тверже, не забалуешь!
Всерьез за грудки и не хватались —
Помаленьку дрались.
И синяк не грыжа:
Зацветет, а время слижет!

Хозяевали справно:
Закрома не пустовали,
Не бедовали!
А как в сок взошли —
Заженихались.
Невест, что грибы, по осени берут —
Кучней растут!
Вот и братья — хлеба убрали,
Стога сметали
И к соседям подались.

А там Клавочка —

Луна Солнышко целует.
Ветер в лес полетел,
Весть счастливую понес:
Сгинул Обьедало — Ненасыть!
И не заметил никто,
Как из моря вышла девица —
Писаная красавица!

Щечки гладкие,
Губки сладкие,
Синие глаза,
До пояса коса,
И такая скромница:
К Палане с Медведем идет,
Голову повинную несет.
Простили они ей —
Радость-то у всех какая!

Только Палане грустно:
Вот уж и Губаня вернулась,
Лишь о Муравейке нет вестей.
Села она в уголочек,
Гладит Клубочек,
А он ее и вопрошает:
«Ты пошто Ягунин
Наказ не сполнила?
Меня не размотала?»

И впрямь Паланя про наказ забыла.

А клубок с колен ее спрыгнул,
Вкруг Палани бежит,
Кольца плетет венчальные.
В одном — Паланя,
В другом — Муравеюшка.

А сам пытается:
«Обещала за Муравейку
Замуж пойти,
Пусть и неказистого?»
«Обещала», —
А сама от счастья так и светится.
«Так быть по сему!»

Хлестнул Клубок веревочкой по
Муравью,
И встал перед Паланей молодец —
Лицом улыбочивый,
Носом задорный,
С руками работающими.
В пестрой рубахе,
Синих штанах,
Красным кушаком подпоясанный:
«Носила ты меня, Паланюшка,
На ушке!
Я ж тебя на руках носить буду!»

* * *

Потом свадебку сыграли.
Звери на нее прибежали,
Птицы прилетали.
Ягуня с Лешим тоже
Свадьбу затевают.
Лишь Губаня пока не при муже —
Осмотреться ей надобно.

Приезжал на свадьбу Царь-батюшка.
Деток в Царство звал.
Да они его к себе переманили.
Чан поганый,
Где злыдня сварили,
Выбросят...
А в других будут пищу варить
Да весь мир кормить!
И Слова волшебного не надо —
Были б руки работающие!

Только кошка за Феничку горой:
Ты, мол, Манечка, ямку-то не рой!
Самое не погнали б помелом!
А мы-то проживем, не пропадем!

Как тут Манька, негодная, взвилась,
На кошку бросилась,
Швырнула за порог веничком,
Пригрозила шепотком Феничке:
Сама, мол, не уйдешь — пожалеешь!
Дурману злого наберу,
Петюнечку — душечку изведу!
Помертвела Феничка...
И в чем была,
Босою, кинулась прочь — в ночь!
И кошка за ней.

* * *

Горько сиротинушкой на свете быть!
Негде Феничке головку приклонить.
Всю ночь они с кошкой бежали...
Ох как ножки босые устали!
А тут буерак...
Не перепрыгнуть никак!
Мечутся, ищут тропу
И не видят бедолаги... каргу!
Сидит в овраге на коряге:

Шире лавочки,
Добрая, большая!
Егорша ее и выбрал.
Мартынка-пострел
Маньку усмотрел:
Форсиста, ужимиста,
Кофта в бантах,
Голова в кудерях,
Вся из себя — ах!
Домой вел — ажно цвел!
А Петюне досталось,
Что осталось:
Феничка — невеличка,
Два глаза да косичка.
Зато в кармашке удобно носить!

Стали вместе жить.
Ушлый Мартын
Угловушку прихватил.
Старший Егорша
Взял горенку побольше.
А Петюне досталась печь —
Можно сесть
И можно лечь.

Клава с Егоршей степенно жили:
Зернышко по зернышку
В дом носили.
Манька с Мартынкой

Не больно дружили:
Все плоски перебили.
Чуть что не так —
И об пол бряк!
А Феничка с Петюней слюбились —
Век бы не сходили с печи!
Да любовь не калачи —
И поесть бывает охота.

У каждого своя работа:
Клава с мужиками поле пахала,
Манька кочергой у печи громыхала,
Феничка скотину обряжала,
По дому хлопотала —
Маньке помогала.
А, бывало, и с кошкой играла —
Кошке лапки заплетала.
Все у невелички получается!

А у Маньки кочерга спотыкается!
Горшки, ровно блохи, скачут,
Борщом плачут.
Стряпуха злится,
Подливает водицы.
Да вода — не сало!
Навару в ней мало!
Феничка с водички шибко худала,
Да молча страдала.
И Петюня — протак:

Сойдет, мол, и так!
А Клава с Егоршей
Требуют шей жирней!

Маньке б покаяться,
Да с гордыней не справиться.
Стала Феничку срамить, виноватить.
Клаве на Феничку кивает:
Фенька, мол, заботы не знает!
С кошкой на печи озоруют —
Обе борщок и воруют!
Невеличку силится стоптать,
А себя обелить, оправдать.
И некому малышку защитить:
Петюня уговору Егоршину поддался,
В город по делам подался.
Клаве бы Феничку расспросить,
А Маньку пристыдить, окоротить,
А она непохвально себя повела —
Маньке криводушной поверила!
Стала на Феничку коситься:
Вот, мол, какая озорница!

И Мартынка Маньке подпевает,
Феничку укоряет:
У Мани, мол, забот полон рот,
А Фенька зазорно себя ведет.
И Петюню, мол, нечего ждать —
Дармоедку надо в шею гнать!

И Клава каялась, казнилась.
А Манька ничуть не смутилась:
Врет и глазом не ведет!
Фенька, мол, твоя воровала,
От стыдобы и сбежала.
А про дурман молчит, поганка,
Возьми ее лихоманка!

И Мартынка задирается,
На кулак нарываяется:
А ты, мол, будто не знал,
Кого в жены брал!
На печи лежать, блох считать
Да воровать мастерица твоя
Феничка,
Сопливое семечко!
А уж с виду такая смиренница —
Бездельница!

Кулаком помахать,
Себя показать —
Молодцу потеха.
А уж тут не до смеха!
Взял Петюня братца за грудки,
Ухватил за портки,
Не сплошал, явил силушку...
Да не вернуть милушку!
Нет нигде невелички,
Русой косички!

Лицом щербатая,
Спина горбатая,
Уши вислые, глаза в раскос,
И нос к коленкам прирос!
Губами шлепает, пришепetyвает,
Чай, недоброе колдует!

Увидала ее Феничка
Да как закричит,
А бабка как заверещит —
Чуть с коряги не упала!
Запричитала:
Как, мол, девонька,
Меня ты напугала!
Я ж Лукерья — вековуха,
Лесная старуха.
У леса живу,
Травку беру,
Хворых пользую!

А девонька сомлела,
Наземь осела,
Головку сронила...
Бабка Феничку подхватила:
«Да ты ж, касатушка, дрожишь,
Огнем горишь!
Знать, ножки ознобила,
Занедужила!»
Баньку, мол, ужотко истоплю,

Огневицу-то твою повыгоню!

Принялась Лукерья Феничку лечить:

Снадобьем поить

Да... откармливать.

Уж больно отощала невеличка:

Остались от Фенички косичка

Да мешочек костей...

С Манькиных-то щей!

Молочком ее бабка умывает,

В росах девоньку купает.

На глазах невеличка расцветает:

Кожа лепестка нежней,

Брови ноченьки черней,

Глаз лазоревый синью горит,

Волос русый волною бежит.

Да сердце по Петюнечке болит.

Злые люди ее оболгали,

Дармоедкой да воровкой назвали,

Посулили Петюнечку сгубить —

До смерти дурманом опоить.

Как не горевать, не сокрушаться,

Коль с соколиком

Пришлось расстаться!

Так и сбегала б тайком,

Глянула на милого одним глазком!

Делать нечего, достала Лукерья

Волшебные каменя,

На блюдо покидала,

Ворожить стала...

Камни стойком по блюду ходят,

Узоры разводят:

Клава, мол, в поле надрывается,

Манька у зеркала кривляется...

И легли на бочок.

Про Петюню — молчок!

Повременила Лукерья,

Опять принялась за каменя.

Но сколько ни кидала —

Проку мало!

Лежат да молчат чернокнижники,

Ровно булыжники!

Уж не беду ли почуяли?

* * *

А Петюня, как вернулся

Из городу домой,

Как увидел печь—лежаночку пустой,

Сердце в груди заколодило,

Горе силы отняло...

Егорша вилять не стал —

Все как есть обсказал.

Уж больно злые!

Вышла Манька с сигаркой в зубах
Да с зельем в руках.
Зелье пьет, сигарку смолит,
А в доме кто-то пищит.
Неужто дитя голодное плачет?
Так это ж значит...
Манька родила сына!

Схватила кошка во дворе щенка,
Приоткрыла в избу дверь,
Прошмыгнула в щель,
Выкрала мальчонку,
Уложила в люльку собачонку...
Пусть, мол, подлая
Манька пострадает,
Горя — лиха узнает!
Ну, попутал кошку бес!
Сама — в лес!

А Манька хорошо
На крылечке посидела
И, ясное дело, засопела.
На ступеньках и прилегла
До самого утра!
Ночь занавески на глаза опустила,
Уши пышною тучкой прикрыла,
Маньку решила не будить —

Сел тогда Петюня на коня,
Поскакал в другие края:
Может, там кто про
Феничку слышал?..
А Егорша Мартынку со двора
прогнал.
Да тот и не тужил — расставался:
К теще на блины ведь подался!

* * *

Так и стали братья розно жить:
Клава с Егоршей добро копить —
У них все ладно!
У Мартынки — нескладно:
Рожь спалил,
Огород сгноил.
Осень подошла —
Пустые закрома!
А тещины блины без мучицы,
Что Манькины борщи на водице!
Да откуда достатку-то быть,
Коль некому руки приложить:
Мартынка-то косит на другой огород,
Где сало растет!
Как Манька про то дозналась —
Ох и шибко ухвату досталось!

Маманька ей: бить-то, мол, бей,
Да щей мужику налей!

А Маньке обидно —
За горшками жизни не видно.
Еще у печи постояла
И заскучала...
Пристрастилась, глупая, к дурному

зелью —
Горькому веселью.
Ба! Она ж скоро родит!
Лихоманка-то пусть погодит!
Дай Бог Маньке
Здорового ребеночка,
Не в мать сатаненочка!

* * *

И Феничке живется несладко,
Хоть жизнь течет гладко.
Снова Лукерья камни кидает,
Про Петюню пытается.
А те без утайки
Ладят новые байки:
Клава, мол, скоро родит девчонку,
Манька — мальчонку...
И опять на бочок:

Про Петюню — молчок!

Чтоб трижды камень молчало,
Такого у Лукерьи не бывало!
Всполошилась Феничка,
Горькое семечко!
Сжала сердце тревога —
Милому нужна подмога!
К Петюнечке надобно спешить,
Да как бы ему не навредить!
Пусть уж сначала сбегает кошка —
Чтоб без оплошки!

А долго ль той допрыгать до села?
Ночка одна!
Всех кошка пытала —
Ничего про Петюню село не знало.
Как уехал, мол, Финечку искать,
Больше о нем не слышать.
И решила кошка Маньку проведать,
Злодейкиных щей отведать.
Шмыг во двор — через забор!
Тут ее собаки и ждали —
Такой хай подняли,
Размечтались — кошку разорвать!
Да ни в жисть такому не бывать!
Вот по морде барбосы схлопотали...
До чего ж звери с тела-то спали!
Знать, не жирно хлебают борзые —

Томится... так уж томится!
Налила Лукерья в блюдо водицы
(Для кошки заведен другой закон),
Каменья тайком утопила,
Заворожила...
А те и не молчат, говорят:
Сыночка, мол, верните квочке!

Ничего Лукерье не понять,
Хотела опять каменья кидать,
А Петюня им: я, мол, слышал —
У Маньки сынок пропал.
Видели — кошка тащила узелок,
Да поймать никто не смог —
Уж больно проворная тварь.
А Маньку, мол, жаль:
Такое горе — потерять сыночка!

Смекнула Лукерья, кто квочка!
И Феничка все поняла:
На руки мальчонку взяла,
И, только Петюня за порог,
Она — в лесок...
Пусть Манька ее убьет,
Но ребенка ей Феничка сама вернет!

* * *

Молодуху, мол, пора приструнить.

Утром в избе переполох:
В люльке-то — «кабысдох»,
Шелудивый кудлатый щенок...
Неужто сынок?
Манька Мартынку боится — божится:
Всю, мол, ночь с ребенком сидела,
Колыбельную пела
До самых утренних рос...
И когда он шерстью оброс?

Святыми глазами глядит,
А щенок блажит...
Манька его пеленает,
Да хвост куда деть, не знает.
Может, уши сынку обрить,
Хвост обрубить,
Отмыть, отскоблить собачонку?
Может, сойдет за мальчонку?

А щенок в люльке полежал
Да деру дал.
Не хочет, вишь, куцым ходить
Да бритые уши носить.

* * *

А кошка до лесу добежала
И встала:
Чего говорить про ребеночка —
Манькина замореночка?
Мол, бежала... лежало... орало...
Подняла... перестало...
Хотела положить —
Начало вопить.
Пришлось, мол, до дому тащить.
Бросила ребенка в лесу, видать,
Дрянная мать.
Да не приучена врать:
Мать — скверनावку ругает,
А глаз на Феничку не подымает.

Чувствует Феничка — что-то не так,
Да не поймет никак.
Горе и счастье
Рвут сердце на части:
И Петюнечка родимый пропал,
И сиротку Бог дал.
Даже имени у дитятки нет.

Толковитый Лукерья дает совет:
Расти, мол, малого дитенка,
Как своего ребятенка.
Из нас никто не проболтается,
Никто и не дознается.

Так и заменила Феничка
Мальчонке мать.
Петюнечкой сыночка стала звать.
Глаз с дитя не спускает,
И Лукерья души в нем не чаёт.
Растет сынок,
Катается по лесу колобок.
С кошкой на печи играет,
Кошке лапки заплетает,
Как, бывало, Феничка —
Счастливое нынче семечко!

А однажды в осенний вечерок
Забрел на огонек паренек...
И никто поначалу его не признал...
Как возмужал!
Косая сажень в плечах,
Могутная сила в руках,
Головою дорос до потолка
Гостьюшка!
А Феничку увидал — и зарыдал...
Ах, Феня-Феничка,
Курносое семечко!

Не было ни гроша, да вдруг алтын:
У Петюни теперь и жена, и сын!
Как он их любит, ласкает...
А кошка страдает,

Вещички собрать
И к сыну уйти на постой.
А Феничку Клава увела с собой.
Там ей невеличка и поведала,
Сколько лиха отведала.

Как уж Клава винилась,
Просила прощенья
За глупое свое подозренье...
Да не судила человека Феничка,
Доброе семечко.
Простила и Маньке лукавый навет...
Потом они с Клавой держали совет —
Как с мальчонкой-то быть?
И решили до утра погодить:
Утро, мол, вечера мудреней...
Да судьбе, знать, видней!

Ночью разбудил набат...
С ведрами, баграми
Бежал стар и млад.
Вой стоял над селом!
Горел Манькин дом...
Крыша уже трещала,
Когда Феничка в него вбежала.

Ищет Маньку, зовет...
А огонь ревет!
Вспыхнула рубашка невелички,

А Маньке беда — не беда!
Все трын-трава!
Сыночка потеряла.
Мартынку проморгала:
Так и ходит негодник
В чужой огород.
А Манька знай себе пьет.
Заболит головка —
Талдычит: Фенька — воровка!
Оклемается — себя пугается!
А больше по кустам шляется:
Ей, вишь, бантики некому казать...
Уж не знает, куда их цеплять!
Глазком стреляет,
Бедром играет,
Токует тетеря, токует,
Новой беды не чувствует!

А беда — вот она!
Шастает в кустах баловник —
Шаловливый чаровник.
В плисовых штанах с кушаком,
А грудь — нагишом,
Нету на ней бантиков!
Манькины углядел —
Аж сомлел! Иззавидовался!

Бочком к ней придвигается,
Распалается!
В глухомань варнак зовет дурочку,
Наливает дурочке чарочку...
Только зазевалась,
Изловчился тать,
Маньку — хватать! И поволок!
Манька вопит, извивается,
Да не может с ворогом справиться!
Вот-вот он бантик сорвет!

Откуда ни возьмись — Феничка,
Отважное семечко!
Ясны глазки на злодея подняла,
Бровкой с укоризной повела,
Головкой покачала...
И... дрогнул лиходея, хвост поджал,
А тут и народ набежал:
Мужики с дубьем,
Бабы с кольем.
И Мартын с Егоршей
Да с Клавочкой втроем!
Маньку у злодея отбили,
Самого поколотили.
Мартынка от души бока ему мял,
Чтоб впредь чужих жен не смущал!
(Ох! Чья бы Пеструха мычала,
А Мартынкина в торбочку молчала!)

Стал Егорша Маньке пенять,
Глупую вразумлять:
Мол, постыдилась бы, девка, народу,
Чай, не песьего роду!
Да Манька сраму не боится,
Еще и бахвалится,
Что в кустах ей нравится!
Хочу, мол, петь да плясать,
А не с вами, толстопятыми,
Навоз топтать!

Тут уж Мартынка себя не сдержал:
Бантик у срамницы сорвал,
Ужимочку смял,
Всю красу ей порушил,
Начхал на Манькину статью
И ушел к толстопятой —
Борщок хлебать.

А Феничка, кроткое семечко,
Дитя к груди прижимает, страдает,
С сердечком не может совладать —
Как сыночка непутной отдать?

Хотела и маманька
Баловницу пристрожить,
Да начала та вопить,
Кулаками махать...
Пришлось маманьке

Солнце греть перестало:
В других деревнях, бывало,
Днями на небе висит,
А у них чуть запуржит,
Морозом пристрожит,
Оно на печку скок —
Коту под бок!
Холодно ему, вишь, бедолаге!
А чего лежать,
Бока мять?
Само не потеплеет!

Вот и решили мужики
Солнца тогда призанять.
Да не просто где взять!
А Капочка: узорчик
У меня, мол, есть,
Сама могу солнышко сплесть.
Мне б клубок лучей пожарчей
Да крючок половчей.

Спроворили мужики ей крючок,
Намотали и лучей клубок...
Ах какое солнышко сплела Капочка,
Рукодельная лапочка!
А замуж идти боится
Робкая девица.
Не приспело, знать, сердечко
Для венчального колечка.

Искра запалила косичку!..
Не уберегли тебя, Феничка,
Милосердное семечко!
Сердобольная невеличка —
Два глаза да русая косичка!
Ты ж, голубонька, не знала,
Что Манька с пожарища сбежала,
Запалила сигаркой село,
Самое, словно ветром, смело!

Ох как взвыл огонь!
Да подспела Петюечки ладонь,
Отбросила огонь от невелички,
Сбила злую искру с косички...
Грудью встал Петюня перед зверем,
Затворил все окна и двери,
Чтобы пламя из избы не сбежало.
Опустил забрало
И в бой пошел за невеличку —
Два глаза да русую косичку!

Все село от велика до мала
Бить ворога Петюне помогало.
И сломили всем миром вражину,
Утоптали в пепел зверину.

* * *

Теплится над пепелищем ночами
огонек,
Будто кто лампаду зажег...
Может, Манька ночью пробирается в
село?
Может, у блудницы сердце
запекло?..
Помоги ей, Господи!

КАПОЧКА

Жила-была Капочка —
Такая лапочка!
Щечки — клубнички,
Веничком реснички,
Волосок к волоску,
Прямая спинка...
Не девица — картинка!
Не спесива,
Не сварлива,
Приветлива!

Все Капочку любили.
Женихи гужом ходили,
Сватов засылали,
Сердце пытали:
Мол, любишь ли?

А Капочка только улыбается:
И отказать стесняется,
И обнадежить боится...
Вот ведь какая девица!
А какова мастерица!

Когда время-то худое настало,

С Иванова плеча!
Да сгоряча
Ногу повредила.
Не может встать,
Слезно просит на ручки взять!

Во чудеса!
У пуговики какие телеса?..
А упала тетка,
В коей мяса да мослов —
Сто пудов!
Засомневался Иван:
Брать на ручки
Аль не брать
Невестину мать?

А как не взять,
Коль она блажит,
Слезу точит!..
Пожалел, на спину взвалил,
На шею подсадил...
Надрывается, тащит
Пустобайку Иван —
В глазах кровяной туман!
Только не обронить бы тетку,
Урвать бы Марфутку — красотку!

Не сронил, донес до самого крыльца
Без худого словца —

Приставали женихи к ней,
Приставали...
Да приустали.
Не унялся лишь Иван:
Купил себе кафтан,
Шелками шитый,
Мехами подбитый,
А пуговка одна — Пустобайка!
На вороту висит, тарахтит,
Хвалит почем зря кафтан,
Славит тугой карман!
С таким, мол, рази пропадешь?
Любую за себя возьмешь!

Возгордился Иван!
Выпятил карман
И опять сватать Капочку,
Несговорчивую лапочку!

Дюже хорош Иван,
Ладен и кафтан,
Да боится
Осторожная девица
С карманом не слюбиться.
Тугой, мол, карман —
Лихой, знать, обман!
Погожу, мол, пока с бабьей
долюшкой!

Погуляю, мол, пока
Вольной волюшкой!

* * *

Пошел Иван домой —
Смурной!
Кафтан с карманом корит,
А Пустобайка — пуговка тарахтит:
Полно, мол, Иван, браниться,
Есть и получше девица!
Уж роток — так роток!
Носок — так носок!
Не девка — цветок!
И замуж выдаем — не гоьем:
Семь возов придаем!
Не чета Марфутка Капочке —
Нищевродке твоей лапочке!

Приосанился Иван,
Огладил кафтан,
Распрявился,
Припетушился!..
Где ж такая краля, мол, живет?
Соловейкой пуговка поет:
Сидит, мол, краса в теремочке
С потайным замочком...

Ловко ладит Пустобайка капкан,

А разобиженный Иван
И ярмо уж готов надеть,
И Марфутку угреть,
Чтоб богатством владеть!
Ох и глупой Иван:
Сгубит его карман!

* * *

Лишь чуть рассвело,
Иван уж наострился
В Марфуткино село.
Куда Пустобайка велит,
Туда и летит,
И не замечает,
Что дорога кружит, петляет.
Ему про то и невдомек!
Бежит, как телок
На веревочке,
В своей обновочке.
И думы все об Марфутке
Да ейном добре —
Чай, все злате-серебре!

Попетляла, поплутала тропа
И к ночи довела
Аж... до медвежьего угла!
Пустобайка — шась! —

Не горлица по милому плачет,
Не мать по сыночку убивается —
Незадачливый Иван-жених,

Не солоно хлебавши, возвращается.
Нюют болючие раны,
Плачет сердце Ивана:
Не явил силушку!
Не сосватал милушку!
В пору б утопиться!

Стылая водица неторопоко бежит,
У затонья дедок сидит,
Глазом буровит:
И кто ж, мол, Иван,
Спортит тебе кафтан?
Медведко ль зацепил?
Сам ли кого прогневил?

Тихий такой дедок,
Ласковый утешный говорок.
И не заметил Иван,
Как поведал ему про кафтан,
Про болючую спину,
Про псину,
Что спала у тына...
Засмеялся дедок:

Уважил невестину мать.
А та и не думает с шеи слезать:
Ухватилась за Иванов кафтан,
Гладит тугой карман...
Отнеси-ка, мол, меня на полати —
Спати!
Завтра предъявлю, мол,
Невесту молодцу,
Завтра и сведу к венцу!

* * *

Пробудился Иван с петухами вместе
В мечтаньях об невесте.
Терпежу нет —
Как бы изловчиться,
Углядеть красу-девицу!
Натянул кафтан,
Вышел в сени Иван,
Скинул тишком затвор,
Торкнул притвор...

Перед ним... гольный двор,
Щелявый забор...
Плешивая псина
У гнилого тына.
Где заветный теремок?
С потайкой замок?
Девица — цветок?
Где суленые воза

Злата-серебра?

А Пустобайка:

Зря, мол, супишься, милоч!

Не короток денек.

Перво дело: деревья сруби,

Хату поднови...

Аль думал, придадут тебе воза

За красивые глаза?

Опоясался потуже Иван,

Засучил рукава,

Приглядел в лесу дерева...

Только всадил в лесину топор...

Дрогнул, зароптал, зазвенел бор!..

Клонит долу голову сосна...

Словно девка красна,

За землю цепляется,

Упирается, обороняется...

И видят Ивановы глаза —

Смоляная горькая катится слеза...

Устыдился Иван, бросил топор...

Поостыл, поунялся бор...

Вдруг откуда ни возьмись —

Пустобайкина псина...

Взвыла и вцепилась

В Иванову спину!..

Рвет клыками кафтан,

Отбивается Иван...

Ох и больно кусается злобная тварь!

Стало бору Ивана жаль.

Поднял дрын

И — хрясь! — по хребтине

Шелудивой псине!

Взвизгнул и отстал пес от Ивана...

Хватился Иван...нет кармана!

В ключьях кафтан,

Выдран тугой карман.

Глядь... а псина

Мирно спит возле тына!!!

Ничего не понять!

Пустобайка... держится за спину:

Прострел, вишь, тетку одолел!

А над Иваном глумится,

Кочевряжится:

Какой, мол, с тебя прок?

Телок!

Ни руками робить,

Ни себя оборонить!

Кому ты нужен такой?!

Пшел домой!

* * *

И перестала...
А утром проснулся —
Умом рехнулся:
Руки-ноги липким
Снадобьем смазаны,
Паутиной накрепко повязаны —
Не разнять!

И вся изба в пауках:
По стенкам сидят,
За Иваном следят...
Сторожкий вроде сон у Ивана,
А не сберег Ивана от капкана!..

* * *

А помните Капочку,
Несговорчивую лапочку?
Что от Ивана-жениха отказалась?
Тут вдруг взыскалась:
Куда, мол, Иван пропал?
Сколь уж ден на народе не бывал!

Озаботился и деревенский люд!
Языки на толковище бьют:
Как купил, мол, себе кафтан,
Так и сгинул Иван!
А все, мол, Капочка,

Обдурили, мол, тебя, милоч!
Аль не угадал в шелудивой лайке
Пустобайку?
Она и рвала тебе спину,
А Марфутка... лежала у тына.

Захолонуло сердце Ивана:
Не жаль кафтана,
Срам-то какой!
Лучше в омут головой!
А дедок:
Не дело, мол, надумал, сынок!
Нашел на кого гневиться!
Да те ведьмицы —
Две глупые девицы!
Манит окаянных бесовщина,
Плачет по девкам хворостина!

Вот кабы ты, милоч,
Споймать их помог!
Непосильно для моих старых ног
Шастать по лесам,
Не то б я сам
Сыскал на бесстыдниц управу.
Ишь, нашли забаву!..

И опять Иван в дороге:

* * *

Не откажешь старику
Ведь в подмоге!
Надо внучек найти —
Собьются девчонки с пути!
Снова кружит, петляет дорога...
Подмога-то подмога!
А на душе маята, тревога!..
Кем сегодня обернутся ведьмицы,
Затейницы-отроковицы?
Ишь, взяли моду —
Зверю сподобляться.
А как обороняться?
Смешной дедок!
Ты, мол, замани их в закуток
И вяжи опояской
Без опаски!

* * *

Добрался Иван до знакомой избушки
К заходу солнца.
Заглянул в оконце —
Дохлый карман в углу...
Монетка-сиротка на полу...
Да приоткрыта дверь в чулан...
Только Иван переступил порог:
В дверь между ног —

Шмыг! — зверек!
Накинул засов ...
И был таков!

Эх, Иван! Что говорил дедок?
Оглянись, мол, чуток,
Прежде чем объявляться —
Мудрено, мол, с бесовками тягаться!
Пустоголовые девицы,
А вишь, какие озорницы!

Оглядел Иван все окошки, двери,
Все щели,
Каждый зазор...
Везде запор!
Все просчитали озорницы —
Сидеть Ивану в темнице!
Крышу б разобрать —
Так ничего не видать!
Утра надо ждать.
А за день-то Иван уморился,
К печи привалился
И задремал...

Сквозь дрему слышит —
Вроде мышь шуршит...
Пошуршала-пошуршала

Худую избу.
Сняли засов,
Смахнули пауков,
Открыли чулан,
А там... Иван!
Липким снадобьем смазанный,
Паутиною повязанный,
Не видит,
Не слышит,
Не дышит!..
Чистый упокойник!

Ох как Капочка пожалела,
Что сердце Ивана не согрела,
Оттолкнула молодца,
Довела до смертного конца!
Упала на Иванову грудь...
А сердце-то Ивана... чуть-чуть!
Да толчком себя обозначает,
С жизнью Ивана венчает.
Закричала Капочка,
Стала пути рвать!
Губы целовать!
Иванушку звать!

* * *

До свету, рано-рано

Разборчивая больно лапочка!
Такого парня — ай-яй! — упустила!..

А ежли не любила?
Ежли укупить ее хотел Иван
За тугой карман?
Да не поступилась сердцем Капочка,
Гордая лапочка!
А Ивана — чего уж ждать! —
Пора искать!

И вспомнил кто-то,
Как шел домой
Темной порой,
А Иван, мол, у реки сидел... смурной!
Не сделал бы чего над собой
Назло Капочке,
Бессердечной лапочке!
И полно языком, мол, боронить —
Бредень пора заводить!..

Ох как тревожно Капочке стало.
Сердце птицею затрепетало,
Стонет, болит:
Видишь, солнышко, мол, багрит,
На покой спешит!
Останови его, бей тревогу,
Зови на подмогу!

* * *

Запричитала Капочка
С высокого крылечка,
Как велело сердечко:
Золотой, мол, караваюшко-каравай!
Не спеши, пожалуйста, не убегай!
За море синее, за лесок!
Посвети еще хоть чуток!
Голова моя бедовая Ивана погубила,
Добра молодца на смерть осудила.
Заманить меня хотел богатством
Иван,
Завел себе карман...
А я не кошелька хотела тугого,
Я искала сердца золотого!
Добрый молодцем был Иван,
Да сгубил его проклятый карман!
Помоги мне сыскать Ивана,
Спасти от дурного кармана!

А солнце: я, мол, Капочка,
Не забыло —
Ты ж мне небо голубое подарила!
Услужить тебе всегда я радо,
А если надо,
Полсвета обойдем,
А Ивана твоего найдем!

Как прознали про то баловницы,

Прибежали к Ивановой темнице:
Надо, мол, Ивана покрепче увязать,
Надо, мол, Ивана в чулан утолкать:
Неровен час, найдет его Капочка,
Тихоня-лапочка!

* * *

Долго Капочка с солнышком
блукала,
Совушка им с солнышком помогала.
Болит у Капочки сердечная рана,
Жалееет она непутевого Ивана!
А сама дрожьмя дрожит,
Зубами стучит:
Солнце-то к ночи не яркое,
Солнце-то к ночи не жаркое,
До косточек промерзла Капочка —
Горемычная лапочка!

Надо б до утра где ни то переждать.
А сова:
Избенку, мол, могу указать,
Да завелись в ней бедовые девицы,
Чистые ведьмицы!
А больше некуда Капочке деться —
Лишь бы согреться!

Отыскали они в медвежьем углу

Спустит им дедок
Веселые штанишки...
А вдруг... и он обманул Ивана?
Напустил туману...
А Пустобайка с Марфуткой и впрямь
Не девицы,
А дьяволицы-пиявицы?

Нет уж!..
Так мне не нравится!
Пусть будет, как задумано...
Но ведь всякое бывает!
И куры петухами запевают!
На большой-то каравай
Рот не больно разевай!
Вдруг и на тебя найдутся пиявицы —
Тебе понравится?
Вот так!

Ивановы раны
Мыла березовым соком девица,
Мазала их смолою-живицей.
Ласково глядели ясные глаза,
Укоряла тихая слеза...

Научило горе и Ивана —
Ему уж не до кармана.
Ловко случилось ведьмицам
Над Иваном поглумиться!
А ведь могут заблудиться
Сказенные девицы.
Будут всю жизнь казниться!

Озаботилось солнышко —
Кого бы послать
Их искать?
Сове, мол, пора уж спать,
Капочке — лечить,
Ивану — лечиться
Да бескорыстью учиться!..
Само и отправилось легкой стопой
Звериной тропой,
Змеиным следом
На беду непоседам.

* * *

Искало оно их, искало,
До смерти устало.
Вдруг видит:
На лесной полянке
Две бабочки-белянки
Так уж резвятся,
Порхают с цветка на цветок,
Пьют сладкий сок,
Кружатся в легком танце...
Ишь, поганцы, как кривляются,
Выхваляются,
Над Иваном изгаляются!
Ох, сладкие ладушки,
Бежали б вы лучше к бабушке!

Подкралось солнышко к резвушкам,
Бросило солнечный
Зайчик хвостушкам...
Слепит солнечный пятак им глаза —
А вернуться нельзя!
И не ждите пощады от солнышка —
Долю выпьете свою до донышка!
Коль увяз коготок —
Всей птичке пропасть!
Не надо было красть!

Рады бы те оторваться от цветка —

Сладкого туюска,
Да пятак не дает —
Крылышки жжет,
Усики обжигает —
Так резвушкам страдают!
И повело их солнышко прямо к деду
На беседу!
Заждался, поди, дед
Своих непосед!

* * *

И вижу я грустную картинку:
Хворостинкой
Гладит нежные спинки
Дедок.
А в глазах у деда — ледок!
Куда, мол, подевали карман?
Кто рвал Ивану кафтан?
Кто грубил Ивану?

Привели девчонки деда к чулану,
Подняли с полу карман,
Указали, где рвали кафтан,
А монетки покидали, мол, у тына,
Где спала шелудивая псина...

Срамота!
Доигрались детишки!

Да поздно!

* * *

А Беда уж подалась
К дружку-лиходею,
Злопыху-злодею,
Что к Рукодельнику
Повадился ходить —
Воду мутить.
Медными монетками играет,
Ровно камушки бросает:
Подбросит — поймает,
Подбросит — поймает!
А который не поймал,
Который наземь упал,
И подымать не стал:
Мне, мол, мелочь — лишь забава!
А Царица спать перестала —
Злопыху завидует!

Вдругорядь злодей серебром сорил,
Златом дразнил:
Я, мол, денег не считаю,
За честь почитаю
Друзей одарять.
Прошу, мол, и вас мелочишку взять
Лилушке-царевне на бантики.

ЛИЛУШКА

Во чистом поле дорога лежит,
По той дороге копыто бежит.
То Тимоня к Рукодельнику скачет.
Не в гости спешит:
Ремеслу учиться,
От похвальбы лечиться.
Да еще повелел Царь-отец
Забавам положить конец.
Скоро, мол, под царский венец,
А ты все потешаешься,
Дурью похваляешься!
Лягву ль в болоте утопить,
Зайцу ль уши завязать —
Проворней тебя не сыскать!

Да не в том молодецкая статья!
Чтоб силой мужчинской бахвалиться,
Мало девкам нравиться.
Царство, вон, по шейку в назъме,
А труд, вишь, не по тебе!
Вот и послал к Царю-Рукодельнику
Своего проказника, затейника.
Тот и ремешком, мол, поучит,
И делу, глядишь, обучит:

Прорехи хотя бы на царстве латать!
Все озорник будет пользу давать!
А ежели Рукодельнику приглянется,
Может, в жены Царевна достанется?!

Вон как папаня планирует,
А сынок балует:
Кровь молодецкая играет,
На озорство толкает.
Едет Тимоня, посвистывает,
Уздой-поводком поигрывает.
Глядь, на ветке Синичка сидит,
Голоском тревожным тенькает:
Ты, мол, в лес, Тимоня, не ходи,
Да копытом-то не больно бренчи:
Девка бедовая в лесу живет,
Кровушку людскую пьет.
На беду напрочишься —
Домой уж не воротишься!
Вот туда Тимоне и надобно:
Косточки размять,
Себя показать.
Уздечку потянул,
Коня повернул,
В темный лес въехал.

Замер лес, голоса не подает —
Молодца остерегает...
А Тимоня Беду на бой вызывает:

«Выходи, Кровопивушка,
Поборемся!»
Беда-Кровопивушка идет,
Легким пухом плывет,
Былинкой качается,
На ветру ломается.
Вся светлым-светла!
К Тимоне подплыла,
Взглядом жжет, завлекает,
К груди припадает...
Ему бы ее оторвать,
Да рук не поднять.

Как завыл-завизжал лес:
Каркнул ворон,
Ухнул филин,
Взял нетопырь — мышь летучая!
А Беда кровушку Тимонину пьет,
Сама разбухает,
А молодец тает,
Телом тощает...
Напилась ведьма кровушки,
Насытилась,
К деревцу Тимоню подвела,
Деревце Тимоней оплела...

Стоит он, горюет,
Спеси-то в нем поубавилось.
Не послушался Синичку, спокаялся,

Парамон и стучать не стал —
Под дверями сроду не стоял.
«Выдаете Лилушку? Беру!»
Книжку Звездогляд открыл,
Ручки трубочкой сложил,
Звезду высмотрел:
Претендент, мол, деловит,
Мозговит,
Не пустозвон, но сварлив,
Не лукав, но спесив.
Фарт рядом ходит —
Он и чванится.

Зато Нил всех обворожил:
Внешне вальяжен,
Душой отважен,
И речист,
И помыслом чист.
Вот это жених!

Как про то Ульянов услышал,
Вознегодовал!
И не больно он стремится
На Царевне-то жениться.
В его царстве-государстве
Мужики стучат молотками,
А царски детки — каблуками.
И жена должна павой ходить,

И кошелку с золотом Царице сует.
Та вроде не берет,
А сама до утра монеты считала
И чуть свет к Злопыху побежала:
Где да где богатство взял?
Где злата накопал?
А Злопых и говорит:
Ручеек, мол, журчит
За вашим бугром,
Царским двором.
Мы с Бедой песок станем промывать,
А Царь монету ковать —
Дело тонкое, рукодельное!

Царица к мужу, а тот нет да нет,
Ровно беду чувствует!
Стала мачеха Царица страшать —
Бесприданницу Царевну
За конюха отдать!
Испугался Рукодельник —
Ведь плохи дела:
Рожь сгнила,
Летось вымок огород,
И заказы в кузню никто не несет!
Ну всяк наперекосяк!
А того Царь не знает, не ведает,
Что Злопых его не зря проведывает.
Это он, злодей, Царя разорил,
По миру пустил,

Чтоб к делу монетному склонить,
А Царицу златом стал дразнить.
И купил обоих за монетку!

* * *

Принялись Злопых с Бедою
Золото копать,
Рукодельник денежку ковать,
Да некому в кузне меха раздуть.
Царица на то не годится —
Больно хлиповата.
А хитростью богата:
Углядела, кого к делу пристрастить
И денег не платить.
Женихи-то Царевнины на что?
Слух про Рукодельника
Шибче зверя бежит,
Птицей летит.
Золотишком сундуки, мол,
Рукодельник набивает,
Серебром, мол, двор усыпает.
От женихов у Лилушки отбоя нет!

Нянька с Звездоглядом
Держит совет,
Тот ей гороскопию по звездам читает
Да по книжке разъясняет:
Ежли человек, мол, в апреле рожон,

Огнем вскормлен!
От ворога оборонит,
Царство грудью заслонит.
Храбрее воина нет!

Первым и прибыл Андрон —
Аккурат в апреле рожон.
Звездогляд про храбрость
Его вещает,
А Нянька свое пытается:
С кем, мол, водишь хлеб-соль?
Винца пьешь сколь?
Волос уважаешь льняной
Аль смоляной?
Что в душе таишь?
Что руками робишь?

Андрон и скажи: мол, умею пахать
И коня подковать.
Как Царица его подхватила,
К Царю потащила,
А Няньке: «Умел бы ковать —
На остальное начхать!»
К Андрону Царица с пониманьем:
Не обращай, мол, на
Бабку внимания.
Нянькино слово мало что значит,
Рукодельник тебе цену назначит.
И в кузню свела.

Дело-то к ночи!
Рванула повод что есть мочи,
Уцепился и конь копытом за траву,
А Синичка кричит:
«Погоди, помогу!»
На Кикимору напала,
Клюет во что попало!
Норовит побольней — прямо в нос!
Бросила Кикимора
Конский хвост,
В топь занырнула...
А Лилушка уздечку натянула...

И выбрался конь из трясины!
Сам дрожит, а косит на осину.
Ох! Осина-то молодцем обвита,
Будто от мороза им укрыта.
На лице у молодца одни глаза,
А в глазах у молодца одна тоска —
Который день во рту ни росинки!
Выплела Лилушка Тимоню из
осинки,
Поперек седла уложила,
Домой поворотила.

А Синичка ей:
«Постой, мол, послушай!
Молодец не просто недужный.
Навела на него порчу Беда —

Гордо голову носить,
А ей все завидовать —
Какая, мол, царица красавица!
А ваша Царевна и росточком мала,
И бедрышком тоща!
Невидная! Не завидная!
Никудышная!

Лилушка — в слезы!
Нянька — в крик!
А Звездогляд взял голик,
Зад царев отстегал
Да женихов со двора прогнал!

* * *

А монетное дело процветает:
Царь спины не разгибает —
Счастье Лилушке кует.
Выпито все, съедено,
Зубы на полке лежат,
А сусеки-закрома от монет трещат.
И конца деньгам не видать.
Короба под них нужны,
А где взять?

Царица на Няньку злится:
«Женихов-работеев отвадили —

Все дело разладили!
Сами корзинки и плетите:
Нянька — донышки,
Звездогляд — боковинки.
А Царевну в лес! в лес!
Прут резать, лыко драть,
Пока свет видать!»

* * *

А Царевна Лилушка —
Чистая лебедушка!
Глазок — василек,
Нежный голосок,
На носу веснушечки,
Щечки — две подушечки,
Льяная коса,
В талии — оса.
Зря люди бают,
Что краше девицы бывают!
На такую-то красавицу
Любой позарится!
Вышла на крылечко в лапотках,
С котомкой на плечах,
К Гнилому болоту побрела.

Ох как страшно бедняжке одной
Поздней-то порой!

Уж и солнце притомилось,
К земле прислонилось.
У Лилушки коленки подгибаются,
Ножки спотыкаются...
И не заметила, как тропку потеряла,
В ворохе лесном заплутала.
Вдруг слышит — стон слева!
Сердце бедой заболело!
А стон все ясней, все явственней!
Видит: конь в трясине бьется,
Гнус тучей вьется,
В ноздрю горемыку жалит,
Повод шею давит.
Ухватилась Лилушка за ремешок,
Намотала ремешок на кулачок,
Тянет коня из трясины,
Рвется на твердь животина:
Ноги на землю выбирают,
А хвост упирается...
Словно тянет коня в болото кто-то.

Конь изнеможил, хрипит,
А на хвосте Кикимора висит —
Визжит, извивается!
Конь из сил выбивается...
Гнилым-то болотце
Не зря, знать, зовется!

Страшно стало Лилушке —

А Кикиморе злоба помутила разум —
Погубить замыслила обоих разом!
Мелкой прикинулась блошкой,
Мол, шалю понемножку!
И лебедушку нечаянно столкнула,
И в болоте чуть сама не утонула.

Ведь поверил коварной Влас.
Да кровью налился конский глаз.
На дыбы конь встал,
Злую тварь стоптал!
Сгнула надсада —
Так ей и надо!

А Царевна от испуга лишь
оправилась,
У Власа справилась:
«Не видал ли где Щуку-убивицу,
Речную крокодилицу?»
«Как не видал,
Коль за жабры брал?
Да не сдержал!
Ох и силища у страшилища!
Вон в омуте лежит,
Бельмами страшит!»

В омут Лилушка глянула,
Аж отпрянула!

Кровушки досыта отпила.
Сама небось знаешь, она вопьется —
Не клещ присосется:
Ногтем не сколупнешь
И маслом не возьмешь!

А в омуте речном Щука живет,
Слово стережет.
Слово то чары снимает.
Да Щука никого не подпускает:
Хребты ломает страшилища —
Речная крокодилища!
А ежли ее поймать
Да Слово взять,
Вернутся силы к молодцу.
Однава поможешь и отцу:
Вовсе ведь заездили Царя
Злопых да Беда.»

И раздумывать Лилушка не стала:
Тимоню к седлу подвязала,
Подпругу коню подтянула,
К реке повернула.
А путь к ней рисковый,
Препятственный!
Бугры, буераки...
Да злые собаки!
Солнце уж село, стемнело.
Конь и тот озирается,

О кочки спотыкается.

* * *

Царевна на тропинке слезы льет,
Нянька у иконы поклоны бьет,
Приговаривает:

«За что ж ты, Господь, наказал —
Кроткой дитятке в мачехи дал
Козу бодучую,
Змею гремучую?
Ох и горькая у
Детыньки судьбинушка!
Спаси и сохрани сиротинушку!
Не девичье то дело
По болотам ходить,
Топь месить!»

Хоть и била Нянька тревогу,
Осилила лебедушка дорогу.
Лишь зорька вполнеба полыхнула,
Птица с ветки вспорхнула —
Дохла туманом река.
Счас бы Лилушке Щуку и искать,
Да захотелось спать,
Вовсе нет мочи
После тяжкой ночи.
Борется со сном, мается,

Да глазки сами закрываются.
И задремала...
А Кикимора того и поджидала.
Подкралась сзади к Лилушке
И... столкнула
С бережка сиротинушку.
Ох!!!

Да Нянькина молитва
Дошла, знать, до Бога!
Кинулся к Лилушке Влас на подмогу!
Он на речке рыбу ловил,
Сеть заводил.
Принял на руки лебедушку-пушинку,
Спас от лютой смерти сиротинку.
Не поспей ко времени Влас,
Не видать бы ему васильковых глаз.
А как увидал,
И дышать перестал:
Экая милушка Царевна Лилушка!
Какую любушку спас!

И Лилушка румянцем занялась,
Словно зоренька ясная,
Светлая, прекрасная!
Сердце-то, чай, не льдинушка —
Вон какой детинушка!
Смущает Лилушку Влас,
Тревожит ласковый глаз!

Да за морду ее Влас ухватил,
Крокодильи челюсти раскрыл,
На затылок ей их и вывернул!
Заверещала Щука,
Запричитала:

Водяной, мол, меня в омут утащил,
Зубы наточил,
Слово стеречь приставил...
Слезами уливается,
Кается!

И стала оплывать с нее тина...
Экая диковина!
Смотрит Влас, изумляется —
Щука в девицу превращается!

Носик пуговкой,
Глазки — вишенки...
Из воды идет, стесняется,
Платом прикрывается:
Хоть не сама зло творила,
А в пособницах у зла ходила!
Прощенья просит,
Клянется, божится,
Обещает пригодиться.
Характер прячет,
А что нравная — видать!
И Слово не торопится отдать.

То, что в нем обретает,
Страшнее не бывает!
В длину не измерить,
В толщину не обхватить.
А в пасти зубов —
Сто рядов!
Что колья понатыкано!
Ну и рылище
У страшилища!
В тине затаилась,
В Слово вцепилась.
Да разве такую поймать?
С погляда дрожь не унять!

Опечалилась Лилушка,
Встревожился Влас:
С чего погрустнел васильковый глаз?
Уронила Лилушка горькую слезу
И поведала Власу про мертвую уду,
Что накинули на батюшку
Злопых да Беда,
Что душа Царя коростой
Золотой поросла,
Что забыл он дочку Лилушку,
Малую свою кровинушку.
Все горше плачет, рыдает,
Силы остатние теряет...

И так ее Власу жалко стало,
А с жалостью в сердце
Любовь вбежала,
Сердце болью смяла.
Кинулся он было бежать,
Царя выручать,
А Лилушка ему:
Подожди, мол, дослушай,
Молодец в седле у меня недужный,
Порчу навела и на него Беда:
Обескровила, силы отняла...
А в Щуке Слово живет,
Что волшебным слывет.
Чары то Слово снимает,
Силы недужным возвращает.»

Выплакала Лилушка слезу,
Осушила глаза-бирюзу,
Васильковые очи,
А встать нет уж мочи!
Отнес ее Влас на бережок,
Постелил на землю кожушок,
Рукавом Лилушку прикрыл.
Сон девицу сморил...
Спит васильковый глаз...
Горько стенает Влас...

Ох, Лилушка-Лилушка!

Белая лебедушка!
О недужном сказала —
Нож в сердце воткнула!
Вспять судьбу повернула:
Была и нету любушки!
Посулилось лишь молодцу счастье:
Пришла любовь в одночасье,
Радость в сердце вдохнула,
А любушка взяла и упорхнула!

* * *

Да взялся за гуж —
Не говори, что не дюж!
А уж Щука зубы наточила,
Глаз наострила —
Спробуй, тронь!
Да не знала она про огонь,
Что сердце молодца жег!
Он бы смог
И речку повернуть вспять,
Кабы опять
Сердце счастьем объять.
Лишь бы на него глядела Лилушка —
Милушка!

И прыгнул в омут Влас...
Дрогнул Щучий глаз.

* * *

А свадебка была,
Медок я пила!
Щука-девица с Тимоней венчались.
В согласие жить обещались!
Царю-батюшке невестка нравится,
И Тимоня женою бахвалится.
А что характер у ней крутой,
На расправу борзой — славно!
Другой бы с Тимоней не сладиться!

Пустой он человек!
Блажить — не робить!
Слова ж мудрого в сказе не молвил,
Спины не горбил,
Не любил,
Лишь сердце Власу ознобил!

А Влас в Лилушке души не чаёт.
И она его привечает.
Хоть много молодцев
Взошло в мой стих,
Но Влас среди них —
Не шутейный жених!
Лучшего и не сыскать —
Нечего и время терять!
Да не пришел еще их свадебный час.
А как придет —

Уж какая Лилушке-то радость!
А печальный Влас
Не подымает на лебедушку глаз.
Со Щукой-девицей простился...
Лилушке низко поклонился,
Кожушок надевает,
Да Лилушка его не отпускает!
Крепко держит за рукав кожушок,
Умоляет нежный голосок...

И оттаял душою Влас:
Понял сердцем — любушку спас!
Свою любушку!
Свою голубушку!

А Щука над Тимоней
Болезным склонилась,
Испугалась, зажурилась!
В рот Словечко положила,
Язычком Словечко придавила
Да в ухо Тимоне крикнула:
«Ку-ку! Ку-ку! Ра-ре-ку!»

Гляньте-ка! Тимоня оживает!
Слово силы ему возвращает...
А Щука-девица смущенная,
Делом рук своих удивленная,

Румянцем опаленная —
Густые ресницы, глаза-зарницы —
Чарует Тимоню, прельщает!
Оживает Тимоня!
Оживает!..

* * *

А Злопых-то с Бедой
Чего натворили!
Все царство заморили!
Который день народ хлеба не едал,
Щей не хлебал!
Работеев голод в кузне свалил,
Белый свет на потемки сменил!
Щука-девица к ним подбежала,
Словом «кукареку» прошептала.
А они ее и не слышат —
Еле-еле родимые дышат!

Головку тогда Щука запрокинула,
Слово язычком передвинула
Да как свистнет!..
Стены дрогнули...
Стекла звонкнули..
Распахнулась неба ширь...
И такая тишина сошла на царство —
Чистая... хрустальная!

Замерли все, тишиной дивуются,
Тишиной любятоя!
И мы помолчим...
Хорошо-то как!..
Ни звука, ни шороха...

Ан нет! Мышь бежит,
Кульком шуршит!
Другая пробежала —
Двумя прошуршала.
Третья шествует неспешно.
Вся кульками обвешана.
Уж не золотишко ль потащили
мышки?

И злодеи куда-то сгнули.
Может, царство
Втихомолку покинули?
Царицу и ту не видать.
Только мыши стали под полом
шуршать.
И не понять —
Откуда взялись мышки?
Да Царь кошку заведет,
Та хвостатых подберет,
Чтоб не больно шуршали,
Беду не накликали!

Ему заморских подавай!
Самолично по миру летал,
Малолеток крал.
У него их, что зерен на току,
Да, бывало,
И покрывала у девоньки с лица не
снять,
Не то чтобы в жены взять!

Раз такая объявилась:
И руки ей ломали,
И плетью стегали,
А она все одно лица не отворила,
Чести девичьей не обронила.
Не сумел Басурман ее одолеть
И запер в клеть:
Не поумнеешь,
С голодухи, мол, околеешь!

Тоненький такой стебелечек,
Пригожий цветочек,
Соловьиное горлышко.
Марьянкой звали.
Все песни горькие пела,
Кручинилась,
По дому, видать, скучала...

Да Басурману песней докучала.
Повелел ослушницу извести:

Я о нем вам тотчас и поведаю!

МАРЬЯНКА

Давно это было.
Уж призабыла,
На котором году,
В каком городе
Жил-был князь Роман со
княгинюшкой,
Ласковой своей Евпраксинюшкой.

Славно князюшки жили:
Ладу-детку растили —
На крыло подымали,
Горя не знали.

Да враз мирный день скончился...
Как уехал князь
По княжеским своим делам,
Черной тучей пал на княжество
Басурман!
Ухватил князеву дочь
И унес в полон
За каменну гряду,
За бурную реку,
За море-окиян
В Басурманский Чужестран.

Кинулась дружина
Басурмана догонять,
Да лодьи пока на воду спустила,
Мечи наточила —
След злодеев простыл...
Ищи ветра в поле!

Возвернулся князь к пустому гнезду,
Загоревал...
И клятву дал —
С-под земли Басурмана достать,
Казни лютой предать,
Из полона кровинушку вызволить!

Взял коня, что узду рвал,
Ястребом летал,
И поскакал
За каменну гряду,
За бурную реку,
За море-окиян
В окаянный Чужестран.

* * *

А Чужестран — богатейка земля!
Фрукт в ней зреет,
Овощ спеет,
И роз своих в царстве хватало,
А Басурману все мало —

И... пустил слезу...
Жалко бирюзинку отдавать!

Да не стал князь дожидать —
Силой камень взял,
Со скалы зверя снял,
В море пустил,
Сам на берег ступил.

А и верно, знатный камешок!
И дорогу-путь освещает,
И скалу лучом пробивает —
В ратном деле сгодится!

Самое бы время поводья натянуть
Да в путь!
Где князев конь-огонь?
А в ладонь кто-то — торк! —
Мокрой губой с мольбой:
Я, мол, трижды море обежал, звал...
Тебя боялся потерять!

* * *

И опять...
Вдоль моря, между скал
Конь скакал...
Князь уздой управляет,

В лес дремучий свести —
Чтоб нипочем Марьянке
Оттуда не сбежать!
Да как знать?!
Лес-то, чай, не злодей!
Дай ему, Бог, здоровья!
Обласкал, приютил,
Веточкой прикрыл —
Спи, горемычная!

* * *

А князь Роман
Полпути уж отскакал,
Да конь вдруг встал:
Храпит, копытом бьет,
В море-окиян нейдет —
Солоно оно, непривычно!
Долго искали броду...
Наконец взошли в воду...

А море светлое,
Скрозь видать,
Как рыба играет,
Малька гоняет —
Кто проворней,
Тот и сыт!
А ежли заштормит —
Вода угомону не знает:

Волну вздымает, дичает,
Под себя подминает...
Уж скольких погубил окиян!..

Да не больно чего князь Роман
Разглядеть-то успел!
Водокрут вдруг налетел, завертел!
Натешился...
Коня к берегу прибил,
Князя в море опустил
На самое донышко...
Вот и пришла его смертынька!

А детынька?
Кто ее спасет из полона?
Кто повоюет дракона
Да вражью рать?
Рано, князь, помирать!
Развернись плечом,
Ударь мечом!

И ударил Романов меч!
Как почал Аодокрута сечь...
На брызги-кудеряшки —
Белые барашки
Распался, разбежался Водокрут,
А нравом крут —
Чудище морское на князя напустил...

И Чудище князь победил —
Зверя об осьми ногах,
Морда башмаком, от шеи щупалы!
По-морскому верезжит,
Откуп сулит!
Отпусти, мол, камень дам,
Что в деле помогает,
От зла оберегает...

Кто ж от берега откажется?
Пошли они камень тот брать...
Щупалами осьминог перебирает,
Только версты отмеряет.
Князь по морю идет,
Словно по небу плывет, —
Всяко тело в море легкое,
Всплывчатое.

Долго меряли они окиян,
В беспокойство впал князь Роман,
Заподозрил обман:
Ты куда, мол, осьминогий, ведешь?
Козни сызнава плетешь?

Испугался зверь,
Стал к берегу чалиться.
А скалы острые уцепиться не дают,
Тело нежное рвут.
Вынул из укромки камень-бирюзу

Ноги повелел его мыть
Да воду пить...
В страшном сне не привидится,
Что вытворял...

И никто Марьянку не крал,
Ерофей ее сам сдал в полон...
Басурман-то себе жен-малолеток
На базаре подкупал.
Ерофей ему Марьянку и продал,
А чтоб золота побольше взять,
Конопушки приказал с лица снять,
На нитку нанизать,
Рдяную монистку на шею повязать...

Покупал Басурман невест
Себе впрок,
А выйдет срок —
Девонька поспеет,
Лиходей ее одолеет,
Сделает женою Басурман...

Сединою взялся князь Роман:
Пусть попробует лапы
К дочушке протянуть —
Не успеет матушку помянуть!
Подхватил Марьянку князь в седло
И помчал во весь опор!
Берегись, вор!..

Бирюза лучом дорогу спрямляет:
Не помеха — ни бугор, ни яма !
Все прямо... прямо...

Вдруг... скривился,
Свернул луч в лес...
Дерева до небес!
Цепкий зверь меж деревьев летает,
Мухи, ровно псы, кусают.
Птица не по-нашему кричит...

Узкой тропой,
Коей ходит зверь на водопой,
Повел их камешок...
Да споткнулся ненароком
Князь о бугорок.

И... застлала князю глаза слеза...
Девонька под кустом лежит!
Лес молчит —
Дите оберегает!
Птица не летает,
Эхо не кричит,
Ручей не журчит...
Девонька спит!..

Поборол князь Роман окиян,
Чудище морское усмирил —
Слезы не уронил!..

А Марьянку слушать — нету сил!..

* * *

Жила она с дедом-бабкой
Не больно сладко.
Деревенька глухая,
Изба худая,
Хлеб да квас —
Весь припас!
Старикам помогала,
Сколько сил хватало.

Да повадился к ним Ерофей —
Заморский змей.
Что ни день ко двору прилетает,
Курей пугает.

Дед на него с кулаком,
Бабка с батоном,
А змей лбом в дверь бухтит,
Двор слезою кропит:
В жены, мол, Марьянку хочу-у!
Озолочу-у!

А невесте той пятнадцати лет нет.
И не лежит у ней душа к Ерофею —
Не верит девонька змею,

Нет-нет да примечает:
Бабку Ерофей величает,
А в глаза ей не глянул ни разу!
Притворщика видать сразу!
Зато снедь несет,
Что сроду старики не едали...

Против воли Марьянку обвенчали.
Ерофей стариков ублажил!
И Бог разума лишил!..
Умоляла девонька —
Не доводить до беды!
Не послушали ее деды:
Глянь, мол, не скупой,
Не гулевой —
Вон как к дому припадает,
Лучше мужика не бывает!
А с рожы — не воду пить,
Крепче будет любить.
И ты, мол, не чинись —
И не любишь, да притворись!

А Марьянка не притворилась,
Змею не покорилась,
Не стала притворщику женой...
У стариков-то Ерофей тряс мощной,
Сладко пел,
Глазом девоньку ел,
А как женился,

А мужик прохлаждается!
Тут и показались из лаза дети...
Не сломили их плети,
Только личики посерели,
Глаза посуровели в неволе
От горькой доли...

Прижал князь
К груди кровинушку!
То-то будет радость княгинюшке!
Подставили и кони спины —
Подняла детей в седло дружина...
И про все забыл на радостях князь

Роман —
Про вражий стан,
Что клялся Басурмана
С-под земли достать,
Лютой казни предать.
По домам бы деток развезти...
Счастливого, князюшка, пути!

И ускакала дружина:
С ворогом не билась...
Марьянки не хватилась...

* * *

И девонька припомнила дорогу,
И камень-бирюза в подмогу,
И конь копыт не жалел, рвал узду...
Скоро прискакали к
Басурманову гнезду.
Опоясал ров
Басурманов кров.
За рвом — забор,
За забором — дозор
Частоколом торчит,
Бдит!

Только ров перескочить
Князь схотел,
Меч булатный за спиной прозвенел:
То дружина в теремах не усидела,
На подмогу подоспела.
И встала с князем плечо к плечу,
Меч к мечу.

Да сердце Романа замертво,
Ярость рукой завладела —
Хочет один воевать
Басурманову рать!

А Марьянка:
Негоже, мол, князь, сгоряча
Рубить с плеча.

Ставь заслон —
Буду я выводить полон!
Можешь, мол, довериться —
Силой с Басурманом
Мне не меряться,
А знаю, как сберечь полон.
Бирюзинку дай и ставь заслон!

* * *

Знала Марьянка про тайный лаз,
Что полонянку от неволи спас.
Заточил Басурман
В подземелье-темницу
Упрямую одну девицу —
Чтоб другим в поученье
Со страху околела,
А девонька все страхи одолела
И вышла лазом к окяню-морю...
На волю...

Долго стража ее искала,
Да не нашла —
Лазом-бурьяном девонька ушла.
Еще злее стала боевая рать
Полон усмирять.

* * *

Чуть завечерело,
Землю темнотой одело,
Подкралась Марьянка к лазу.
Приметливому глазу
И то его не сразу видать...
А каково ей было
В подземелье влезать —
Не передать!

Такого страху малая натерпелась —
Вся обревелась!..
Но добралась до темницы,
А там... весь полон,
Непокорные девицы

Тихо отворяла Марьянка клетки,
Тихо уходили дети
На волю...

* * *

А на воле... по чистому полю
Мечется князь Роман...
Рвется в бой дружина:
Пора, мол, воевать вражину.
Чего ждем?
Срам! Дите сражается,

ДУНЯША

Нынче у Дуняшеньки
Первая вечерочка.
Славная, пригожая
Подросла девчоночка.
Ей уже пятнадцать лет.
Щёчки у лебёдушки
Ровно маков цвет.
Не целованы губки,
Не мяты юбки,
Бережёна лапушка
Родимой матушкой –
Идно завидки подруженек берут.

Прялки на вечерке куделю прядут,
Пряжи останова языкам не дают:
И коса, мол, у Дуньки
Наших не длинней,
И лента, мол, у Дуньки
Наших не алей,
И бахвалиться, мол, нечем ей –
Парни-то не больно льнут.

А те уж тут как тут:
Сластей напринесли

Мужику тяжело сохой пахать,
Птице в поднебесье на крыле летать,
А девице одной какво воевать?

Обступили стражнички
Тонкий стебелек,
Пригожий цветок хотят сорвать,
Лепесточки смять...

Щерится кривой Басурманов рот, —
И некому дать окорот!..

Да ударила вдруг лучом бирюза...
И не поверили Марьянкины глаза —
Только что наседала подлая рать,
И не стало вдруг той рати видать...
Съежилась, скукожилась...
Ни плетей, ни дубинки...

Пучеглазые сопливые спинки
Заполонили весь Чужестран!
А самая жирная небось Басурман!
Ква-ква! И в болото!..
Чай, жить охота!
А что смешно —
Уж не страшно!

* * *

И пошла Марьянушка домой
Неторной тропой.
На коне бы пошибчей —
Не повезло ей!
Для князя Романа, что было, —
Водю, знать, смыло.
Спасибо камешку —
Верному дружку:
Не бросил Марьянку, уберег!
А князю — Бог судья!

* * *

А зря... зря я князя осудила:
Не зачерствела душа, не застыла.
Опомнился князь в лесу,
Повернул коня вспять,
Кинулся Марьянку искать.
И не думалось ему, не мнилось,
Что дите с вражьей
Силой схватилось.

Уж казнил себя князь потом —
Осыпал Марьянку добром,
Шелками дорогу к ней стелил,
Двор яхонтом мостил,
А девица не подошла к крыльцу:

Мне и конопушки, мол, к лицу!

Лишь когда над избою
Туча прогремела,
И дружина с князем тучу одолела,
В клочья ворога рвала,
Волоску упасть с головки не дала, —
Обиды Марьянка позабыла,
Всем сердечком князюшку простила.

* * *

Ездили недавно соседи в Чужестран,
Глядели на бурьян.
Ров, мол, засыпало землей,
Заплело травой.
Жабы орут в болоте...
Вот вам и Чужестран —
Один обман!

Лиходейству завсегда
Приходит конец!
Найдется на злодея молодец!
А нет, и ... девица
Сгодится!

Что-то, мол, узка тебе юбчонка!
И общупывать баба-озорница стала...
Как толпа захохотала!
Громче всех смеялся разудаленький,
Голубочек бел-кудрявенький.

Увял на щёчках Дуни алый цвет,
Померк в глазах у Дуни белый свет...
И прокляла Дуняша
Чрево нежеланное своё
И владетеля бесстыжих глаз.

* * *

Лес не спал в тот купальский час:
Живое тельце с кулак
Нашёл под елью старый лешак.
Оно ещё дышало...
Яростно лизало его зверьё,
Грело собой горемычное голье –
Сырого мыса кусок.
И ... пискнул слабый голосок.
Поутру нашли чуть живую мать...

И принялось село языками чесать:
На Купалу родила! Чай,
С нечистиком спозналась!
Душюшка покорно соглашалась:
Да, попутал, мол, бесюка хромой!

Да бражки с полведра.
Гуляй, вечерочка, до утра,
До самых петухов!

Расхватали девоньки
Своих женихов,
Чтоб на Дуньку не глянул
Который из парней.
Горько Дуне –
Не по правде говорят
Подруженьки о ней.
За что корят красотой
Да длинною косой?
Что она им сделала худого?
Учила матушка не брать чужого –
Не согреет, мол, сердечушка
Чужая беда.
Не бирала Дуня чужого никогда.
За что ж подруженьки её срамят?

Щёчки полымем у Дуни горят,
Думушка черным черней...
Сторонится она парней,
А тем страсть охота
С несмелой поиграть.
Стали озорные приставать:
Выходи, мол, касаточка,
Хоровод водить.
Дайте бражки, мол,

Милашке пригубить.
Чай, девчоночке не пятый годок!

Забилась Дунюшка в уголок –
Ей и глаз-то на них не поднять.
Пуще стали парни донимать,

Пристал Елоха, что репей:
Пей да пей!
Сам до чарочки не дурак,
Девку подпоить да
Прилюбить – мастак.
Умеет тать рыскучий ухватить своё!
Ублажил, уладил робкое дитё,
Да зависть чья-то
Подхмелила бражку...
В злой час повисла на Елохе
Дуняшка.
Сладко пел ей
Молодчик разудаленький,
Со головки бел-кудрявенький,
Соловьём.
И ушли они с вечерки вдвоём.
Прозевала матушка дочку,
Споткнулась Дуня о тёмную ночь,
Обвилась вокруг тычинушки,
Погубил Дуняшу хмель-хмелинушка.
Той же ночью девонька и понесла.

Завязь к лету буйно проросла.
А Елоха её уже не привечал,
С другою разудаленький
Рассвет встречал –
Наскучил, вишь, ему
Незатейливый цвет,
Растоптал Дуняшу и стыдобушки нет.

* * *

В праздничный Ярилин день –
Гулянка на селе с утра и до утра.
Чуть скотина со двора,
И уж к чарочке приник
Охочий до неё мужик.
Баба затеяла каравай.
Девкам хоровод подавай.

Ох, как ждёт Дуняша
Праздничного дня,
Жмёт сердечко горя лютого клешня:
Подойдёт ли разлюбезный дружок?
Да забыл голубку голубок.
А цветень-то Елохов
Не по дням в ней растёт.

Пытает девоньку лукавый народ:
Уж не пузо ль растишь, мол,
девчоночка?

чашкой,
И одолела любоддея бражка:
Стал без разбору юбки задирать, -
Играть, мол, так играть, -
Моя, мол, ночка!

Страдала Дуня, дочка
Прятала глаза...
И допустили святотатство небеса:
Кровинушку свою Елоха повалил
И ... «сел в седло».

Ахнуло село:
Пакости такой от Елохи не ждала.
Миром поганого вязали,
Ломали кости.
Прощальной горсти
Никто не бросил в его могилу.
Лишь шавка верная скулила
День и ночь.

* * *

Выхаживала долго Дуня дочь.
Да погубил дитё сором,
Повредилась детынька умом -
Всё просилась горемычная в лес.

Стали бабы Дуню обходить стороной,
Да и мужики не обивали её порога:
Вела себя Дуняша строго,
Хоть и растила пригульную дочку.
Не забыла девонька ту ночку
Да подколодного змея -
Любезника - блудоддея.

* * *

Минуло с тех пор немало лет.
Облетел с Дуняши маков цвет,
Корча часом её ломала.
На глазах Дуняша угасала,
Таял робкий огонёчек...

И опять по селу шушок:
Елоха возле Дуни вьётся!
Чего, мол, мужику неймётся?
Да, говорят, спокаялся,
За шальную ночку,
Признал и дочку.
Сколь, мол, дней молчал, -
А нонче замычал!
Дак жена, мол, выперла за дверь.
Блудливый зверь!
Всю жизнь, мол, возле девок трётся!
Ой, дождётся! Ой, дождётся!

А Дунька и на порог, мол,
Не пустила,
Так и наде кобелиному рылу!

* * *

Не бывало в Залесье лета
Такого жаркого цвета.
Раскалился до бела июльский день,
Скужилась от зноя тень,
Ночи осталось с воробьиный носок -
На один глазок.
На самую жару, на сухмень
И пришёлся в тот год Ярилин день.

На селе суматоха:
Дядьку Елоху девки
Бражкой поят с утра:
Жара – не жара.
А Ярилою быть его черёд.
Ему народ доверил
Нынче потрудиться.
Пусть выбирает себе девицу,
Не тол – ложись да помирай!
Сгибнет в поле, мол, урожай!

Запалила окаянная жара землицу.
Пора Яриле разъяриться –
Его, мол, ремесло хлеб растить,

А село сумеет бога ублажить.
Не оплошал бы лишь Елоха удалой
Этой ноченькой хмельной!

* * *

Издrevле чтала Русь Сварожича
Ярилу.
Его она молила растить хлеба,
И колос подымала её мольба,
Щедрый урожай.
Славил русич за каравай
Бога тороватого.

Выбирали мужика неженатого,
И на белом коне,
В белой епанче
Ездил по полям он, ровно сам Ярило.
Голову мужику кружило:
Как же! В колос поднимает ржицу!
И ... валил мужик на ржицу девицу,
Чтоб ярилось всё кругом...

В тот день верхом
Гарцевал Елоха.
Неплохо он смотрелся
На белом-то коне,
В белой епанче.
Да подносили бедовому чашку за

Ла-душ-кой слыти!..»

Хоровод «веревочку»
Затейно плетет,
Ситец...рытым бархатом
По траве плывет.
Эх,ма! Гуляй, кума!

Побежала б и Лазоренька со двора,
Да сарафан девичий —
На дыре дыра!
Сиротой осталась девонька
С малых лет,
Забурьянел матушки родимой след.

«Молода я молодешенькая,
Хороша я хорошенькая», —
Печальная девчоночка поет.
«Молода ты молодешенькая,
Хороша ты хорошенькая», —
Эхо сироту бережет.

В хоровод Лазоренька пошла,
Уж когда стемнело,
Да яблочко соседское,
Что над плетнем висело,
Погладила несмело —
Щедрую земную красоту...

Не докричалась, видно,
Дуня до небес,
Не пришёл ей бог на подмогу.
И перестала верить Дуня богу.
Тогда и позвал её Лешак к себе.
В тёплой лесной избе
Постелил им мягкую
Постелюшку на двоих,
Принял как родных.
Подлюбил за кротость
И лесной народ.
И Дуня с дочкою в свой черёд
Лесу, чем могли, помогали.

А на селе их и не больно искали:
Не зря, мол, Дуньку повязал собой
Купала, -
Дочка уж не раз пропадала.
Погуляют, охолонутся
Да и вернуться.
Вроде б не всерьёз,
А ведьмачкой Дуню
За глаза называли.
Лишь когда следы
Их в лесу пропали,
Спихватились:
Мол, поболе надо бы
Об Дуньке печься:
Как бы, мол, на ведьме не обжечься!

* * *

Отогрелась душою в лесу Дуняша,
Да не всю, зная, испила свою чашу.
Когда село в грозу сгорело дотла,
Да ураган разметал стога,
В беде завинили Дуню;
Взвыли бабы: «Убить колдунью!»
Кольём бы Дуняшу и забили.
Да во время злых остановили:
Лешак глаза им от избушки отвёл
Да тропы лесные переплёл, -
Заплутали бабы средь трёх сосён.

Долго мужики искали Жён,
Слезою изошли.
И когда Дуняша с дочкой баб нашли,
Всем было совестно, укорно
В глаза им глядеть.

Не пора ль нам всем подобреть.

ЛАЗОРЕНЬКА

Ю.П.Кузнецову

На пяти холмах,
На семи ветрах,
По-над речкой-бормотушкой
Медом пьяным,
Яблоком румяным
Разговляется село.
Ломит стол снедь-припас...
Нынче — Яблочный спас!

«Молода я молодешенькая,
Хороша я хорошенькая», —
Голоском девчоночка звенит.

«Хороша ты хорошенькая,
Пока молодешенькая», —
Эхо старое в холмах ворчит,
Девоньку пугает...

А другая небеса заклинает:
«Одари меня, Ева,
Первородная дева,
При красоте быти,

А тоску тоскучую
Да сухоту плакучую
В море утопи!»

Тихо море дотоль лежало,
Лишь вода мелкой рябью дрожала,
А тут...взбесилось вдруг!
Вырвало Лазореньку из слабых рук,
Встало до небу злой Волной,
Смяло Речку, напоило
Непитью морской!
Не нужна ему тоска тоскучая!
Не нужна сухота плакучая!
И...швырнуло девоньку
За сини небеса!

Да на счастье занялась вполнеба
Зорюшка-краса,
Подхватила Лазореньку алой фатой,
Понесла над Волной,
Над Морем-Окияном,
К острову Буяну,
К камню бел-горючему Алатырю!
А на Алатыре-горе, на горюне
Птицы райские поют,
Реки медом текут,
И ключи водой живую бьют!

Долго иглою Заря колдовала,

«Ату ее! Ату! —
Кричал сосед во хмелю. —
Ату ее! Ату!»

На пяти холмах,
На семи ветрах,
По-над речкой-бормотушкой
С той поры рыдал...смеялся...
Одинокий голосок,
Да не в лад стучал
Девичий каблучок:
«Молода я молодешенькая,
Хороша я хорошенькая...»

Зашептали, завздыхали на селе:
Лазоренька, мол, вроде б не в себе!
Собак сосед натравливал,
Конечно, зря!
Да страсть, мол, нынче
Развелось ворья!

Но однажды голосок умолк,
Замыла речка девичьи следы —
Не упредили люди, знать, беды.

А горе мыкать со скорбной головой,
Тоже радости, мол, никакой, —

Утешило себя село. —
Бог дал!
Бог прибрал!
Что ни делается — к лучшему!

Потолклись недолго у сиротских
ворот —
Да дел своих невпроворот...

* * *

Средь лугов зеленых,
Болот топяных, зыбучих
Да лесов дремучих
Речка-бормотушка
Торопится-спешит,
А в ладонях Реченьки
Лазоренька лежит.
Речка девоньку в себя не приняла,
Речка девоньку в ладонях понесла
К Морю-Окияну,
К острову Буяну,
К камню бел-горючему Алатырю!

А свет в глазах Лазореньки
Стал мутнеть,
Да не даст ей Реченька помереть!
В заводь забежит передохнуть —
И снова в путь
К Морю-Окияну,

К острову Буяну,
К камню бел-горючему Алатырю!
Там Заря-Зарница,
Красная девица,
Фату алую вышивает
Да ключом с живой водой управляет.
Ей несет Река Лазореньку,
Умоляет Речка Зарю-Зореньку:

«Зорюшка-Зарница,
Швея-мастерица!
Шьешь румяную фату поутру
Ты золотой иглой,
Вышиваешь ввечеру — серебряной!
Нить шелковую
В булатную вдеваешь —
Раны смертные
Проворною сшиваешь!
А у Лазореньки очи замутились,
Уста сахарны девичьи затворились —
От мужика от винника,
От людского бессердия!
Боль шелками девоньке
Стяни во груди,
Омочи рубец живой водой,
Чтобы кровь забила
В жилочках ключом,
Чтоб сердечко возгорелось
Пламенем-огнем.

Лазореньки глаза.
Жаль красавицу уроду отдавать...
И порешили — свадьбе не бывать!
Приняли к ночи у Зарницы
Солнцеву колесницу,
Выкупали в море
И нашептали Заре
Про девичье горе...
(Не ждала Волна такого подвоха.)

Заиграли, засияли
В небесах всполохи,
В море Заря фату опустила,
Пленницу фатою своей подхватила,
Подняла над Волной, над Окияном
И поспешила к острову Буяну,
Где Река ждала Лазореньку...
Спасибо тебе, ясная Зоренька!

* * *

Средь лугов зеленых,
Болот топяных, зыбучих
Да лесов дремучих
Бормотушка уж домой бежит...
И опять в ладонях Реченьки
Лазоренька лежит
И не ведает про то, не знает,

Долго рану на сердечке зашивала,
Кропила мертвою росой,
Омывала студяной живой водой.
И...ожил Лазоренька
На радость Заре-Зореньке!

* * *

Да недолго девонька цвела.
Подкралась злая Волна кипучая,
Слизнула горемыку
С камня бел-горючего
И спрятала в пучине морской...

Возвернулась к ночи
Зоренька домой,
Разгневалась!
Напустила Ураган на Окиян
С громом гремучим,
Молоньей палючей,
Градом воровку грозит побить,
Море иссушить!

Отбивался до утра Окиян,
Наступала гневная Зарница...
Да Волна-царица
Цепко девоньку в руках держала...

Изнемогала,
Выбилась из сил Заря,
Махнула устало на прощанье фатой
И поднялась над Волной,
Над полями, над холмами,
Над темными лесами...

Поутру у Зореньки другие заботы,
Непечатый край у Зари работы:
Звездам очи прикрыть,
Месяц в колыбель уложить,
Вывести на небо колесницу Солнца,
Высветлить румянцем
Людские оконца.
Поутру Заре-Зореньке не до
Лазореньки.

* * *

От восхода до заката Окиян лежит.
Речка-бормотушка по волнам бежит.
Молит Река Волну-царицу:
Отпусти, мол, матушка,
Хворую девицу.
Хлебнула девонька горя с лихвою,
Загубили девоньку худою молвою.

Да не вернет ей Лазореньку царица,
Сватает Волна земную девицу
За Царевича морских кровей.

Долго не было у Волны детей.
Все предпринимала:
И бобы заговоренные глотала,
И у знахарки лечилась...
Да путного с того не получилось:
Родился Царевич морских кровей —
Дурна-дурней:
Тельце угря,
Голова упыря...

Время пришло жениться,
А девицы обходят его стороной.
И пришлось владычице морской
Выкрасть кроткую Лазореньку у
Зореньки
И спрятать до свадьбы на дне
Окияна.
Приставила охрану —
Русалочки Лазореньку сторожат:
Любуются золотой косой до пят,
Нежным румянцем, что
Заря подарила.

Покорила их земная красота,
Пленили печальные

СОДЕРЖАНИЕ

Паланя	5
Феничка	39
Капочка	61
Лилушка	83
Марьянка	107
Дуняша	125
Лазоренька	135

Что Царевич в море погибает.

Как Волна ему Лазореньку показала,
Острое жало в сердце впилося,
В клубок скрутила
Неведомая сила:
Нет ему милей лазоревых очей!

Разгневалась царица:
Речку приказала догнать,
поворотить,
Сына с супротивницей
Нынче ж оженить!
Да знахарка подроспела:
Женить, мол, не хитрое дело.
Чтоб девку потом не сторожить,
Надо бы ее приворожить.
Как пчела к цветочку рвется,
Пусть сама к Царевичу вернется.
А я, мол, свое дело знаю:
Кровью ворожбу скрепляю.
Что мною наговорено
Да кровью мазано —
Намертво, считай, повязано!

Сказала — сделала!..
Да все наоборот:
Царевича тот приворот

Со дна морского вынул,
Дом родной Царевич покинул
И отправился за море Лазореньку
искать.
Напрасно убивалась, звала его мать.
Полз он навстречу своей судьбе
По сухой каменистой земле,
Тянулся за ним кровавый след,
Был у крови горячий цвет...
Ныла грудь от острых камней...
И был он сейчас ничей:
Вода еще не отдала,
Терзала земля,
Все большее было ползти...
Хватит ли сил до конца пути?

* * *

И Река устала, легла передохнуть —
Не легок ей выпал путь.
Лазоренька на берег
Вступила несмело,
На песке она и углядела
Угря истерзанное тело.
Вздогнула, испугалась...
Да жалость...нестерпимая жалость
Победила страх...

Несла она страдальца
К воде в руках,
А под шкуркой угря,
Личиной упыря,
В корявом тельце
Замирало от счастья
Влюбленное сердце.

Бывает — один страдает,
А другой про то и не знает.
У Лазореньки было не так:
Чем-то зацепил ее сердечко чужак.
И, как в сказке, любви
Колдовская сила
В молодца угря преобразила.
Земля признала в одночасье своим.

И пошли по жизни путем земным
Будущий пахарь и будущая мать.
Им еще придется страдать:
Жизнь не конфетка,
Не золотая монетка —
Бывает и знойно!

Прожить бы ее достойно,
Уважая свою и чужую кровь
А молодым — совет да любовь!

Алевтина Николаевна
Алфёрова

Чаровницы-лебёдушки
Сказы

Редактирование А.Н.Алфёрова
Компьютерный набор Б.П.Алфёров

Нерехта 2005г.